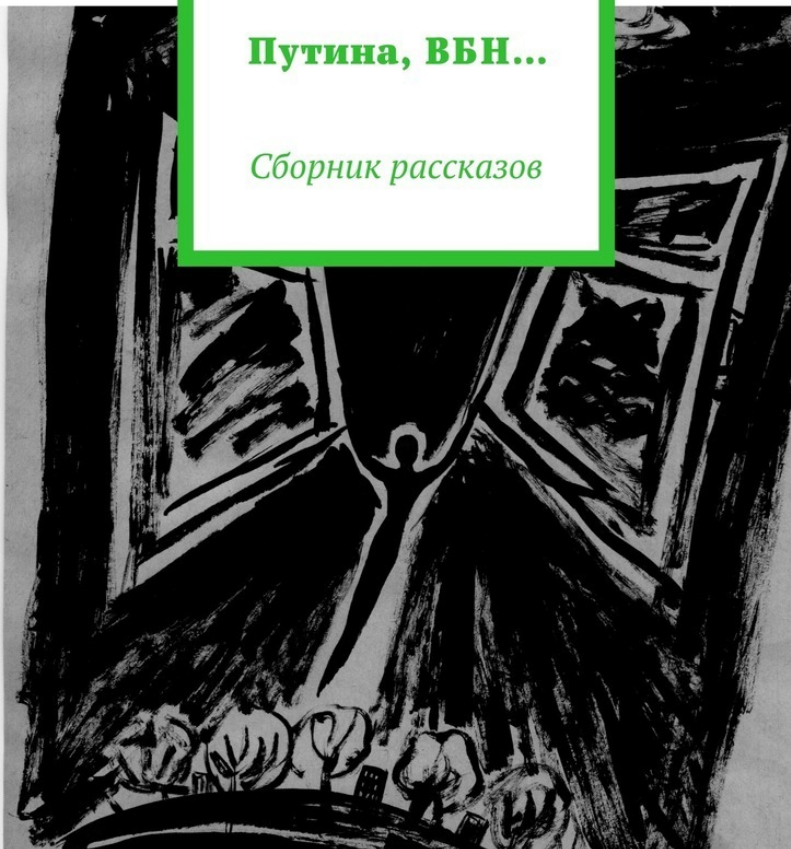

Игорь Горев

Путина, ВБН...

Сборник рассказов

Игорь Горев
Путина, ВБН...
Сборник рассказов

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23878701
ISBN 9785448508844*

Аннотация

Среди вымышленных героев, всегда встречается хорошо узнаваемое лицо. И пусть вас не обманывают декорации, на сцене всегда присутствует жизнь не вымышленная.

Содержание

– Я всегда был и буду непримиримым борцом с любым проявлением тирании и деспотизма! —	5
Благословляю	39
В сетях свободы	56
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Путина, ВБН...

Сборник рассказов

Игорь Горев

Иллюстратор Елена Григорьевна Колюжная

© Игорь Горев, 2017

© Елена Григорьевна Колюжная, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-0884-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**– Я всегда был и буду
непримиримым борцом
с любым проявлением
тирании и деспотизма! —**

Лихим кавалеристским замахом закончил свою блистательную речь кандидат в Государственную Думу. И, видимо, для пущей убедительности выпучил свои глаза и надул щёки. Ему захлопали, а он важной надутой рыбой, перебирая плавниками, поплыл сквозь овации. Ни дать ни взять, пучеглазый и светоносный обитатель морского дна: большая голова с высоким лбом, переходящим в затылочную до темени, благородные тела с короткими конечностями и впрямь напоминающими плавники, в купе с семяющей походкой создавали впечатление того, что он плыл над земной юдолью, обозревая суетливое мельтешение вокруг невозмутимым, но любопытным телескопическим взглядом.

Засняв ещё несколько планов, телевизионщики начали сворачивать аппаратуру, стараясь не греметь, после чего безмолвными тенями растворились в полумраке зала, где продолжал громогласно витийствовать восходящая политическая звезда Иосиф Святославович, прозванный в узком кругу закадычных друзей «наш Ёся». Прозвище прижилось

и вырвалось на широкие просторы. Истины ради стоит добавить, что приставка «наш» прилипла позже, вначале было короткое «Ёся». На Мясницкой, где прошли незабвенные детские годы нашего борца, часто можно было слышать со двора: «Еська-Слався, выходи!» Детские прозвища из глубин рождаются, своего опыта ещё не хватает по причине малости лет, не успели улицы родимые затоптать, вот и вырывается вдохновенное: «Еська-Слався». Уж очень необычное сочетание ветхозаветного шипения и языческого клича в имени его; житейской премудрости и неудержимой буйности нрава.

Ёська вырос, пройдя горнило комсомольского активиста с опытом командира студенческого отряда, рыскающего по широким колхозным полям в поисках беззаветного трудового подвига. Пока его товарищи бренчали на гитаре у костра, подмигивая сокурсницам и колхозным простушкам, он, с командирским простодушием, обсуждал с председателем вопросы добавочной стоимости, лукаво полагая, что конспектам по марксизму-ленинизму своё место – на полке в студенческой общаге, а тут жизнь, как есть – без прикрас. Председатели, хитро улыбаясь в усы, уважительно сгибали выи, соглашаясь с неопровержимой цифирью молодого комсомольского вожака: «Далеко пойдёт паршивец. Так красиво Маркса с живым рублём примиряет без всякого плана. И, главное, всем хорошо».

Однажды его даже прозвали «Наш святой Ёся». Это когда

его разбирали на комсомольском собрании, обвинив в приверженности к западным ценностям. Поводом послужили джинсы «Монтана». Тогда он так увлёкся, защищая своё искреннее служение «советской родине», что заявил: «Одно святое никаким образом не отражается на другом. Что джинсы: снял и вся недолга. А наши советские идеалы они вот тут – в сердце!» Старший товарищ, коммунист, присутствующий на том собрании, только покачал головой, иногда озаряясь улыбкой и, не забыв указать на промахи, всё же подытожил: «Учитывая прежние заслуги и сегодняшнее искреннее раскаянье, думаю, можно обойтись устным предупреждением. – Помолчал и зачем-то ляпнул, – а о святом, это вы верно сказали: оно должно быть в сердце нашем». Что он мог ещё сказать, если эти злополучные джинсы победно завоёвывали шкафы и комоды строителей коммунизма.

Так, в джинсах, и благодаря джинсам с вожденной лэйбой (имелся за ним такой грешок – фарсовал в тихую модным товаром, найдя для совести либеральное объяснение: «обеспечиваю потребности граждан»), наш герой незаметно перешагнул порог советского ВУЗа и гордо вступил на порог частного банка на правах соучредителя. Тут-то и пригодился весь прежний опыт и наработанные связи среди приверженцев западных демократических ценностей.

Однажды, задумавшись, почему эти самые джинсы столь привлекательны для народа, он пришёл к одному неопровержимому выводу: настоящие ценности, как и настоящие ал-

мазы – под толщей пустой руды скрываются. Руда, хоть и требует много труда к себе, рано или поздно всё равно в отвал пойдёт, и только алмаз имеет стоимость, сверкая ярко в тёмной душе, являясь причиной всех её радостей, а потому он и есть истина неоспоримая. И все великие труды светлейших мыслителей не смогут ни опровергнуть её, ни дать людям других идеалов, способных быть ярче и привлекательней. Придя к таким умозаключениям, вчерашний студент (и комсомолец) Ёська полюбовался своим отражением в зеркале бутика, примеряя дорогой костюм от «Бриони», и решил: «А мне идёт».

И стал ярым апологетом новой веры: либерализм.

Когда старый преподаватель, повстречавшийся ему на улицах родного города, напомнил ему о сказке Салтыкова, тот, презрительно обзрев содержимое, ещё не ставшей забвением, полупустой авоськи, обозвал его «бесперспективной читалкой». Давая понять, что его счастье в авоське вряд ли поместится. Когда преподаватель многозначительно покачал головой и пророчески добавил: «Ну, ну...» Иосиф Святославович аргументировано ответил: «Народ устал от ваших моралей – он счастливым хочет быть. Просто счастливым. Не тираньте его вашими догмами и коллективизациями».

Вот краткая предыстория зарождающейся на политическом небосклоне страны звезды. В защиту хочется отметить: всё, что он говорил, обещал и во что верил – было правдой.

Его выстраданной и отгранённой правдой. И если сегодня он, выпучивая глаза, заявлял, что он враг любой тирании – так оно и было.

– Свободу каждому, вот, за что я буду бороться, и в чём вижу залог процветания моей страны!

И он не лукавил нисколько. Рыская по стране в поисках прибылей и фортуны, он без сожаления отбрасывал «пустую породу» и любовался игрой света на гранях «благородных» бриллиантов, и тогда счастливая улыбка озаряла его упитанное лицо. Правда, как-то раз, когда он вояжировал по стране, посещая приватизированные заводы, один запачканный чёрной пылью шахтёр тычком в грудь пытался объяснить ему, что всякая божья тварь на Земле желает быть свободной и счастливой. Ёся, простите, Иосиф Святославович заверещал возмущённым фальцетом, и доводами высшего образования дал тому понять, кто тут порода и кто бриллиант, призвав в свидетели уважаемых представителей власти. Шахтёр вынужден был согласиться, когда судья вынес свой высокий вердикт, ему было предложено отправиться в глухие места, размышлять и осознавать незатейливую правду свободной жизни. Нельзя вставать на горло чьей-то свободе, а тем более давать болезненные тычки.

Итак, выплыв из зала на волнах громких оваций, Иосиф Святославович, окружённый бодрой стайкой помощников и прочих прилипал, мелко перебирая ножками, проследовал мимо вкрадчивой улыбки своей секретарши, бросив на хо-

ду: меня ни для кого нет, – исчез за крепкой дубовой дверью с золотой табличкой.

Наконец-то. Иосиф Святославович скинул пиджак и ослабил галстучный узел. После чего блаженно оглядел свою «норку». Панорамное окно с высоты элитной высотки делового центра высокомерно смотрело на Кутузовский проспект, там кишела мелкая жизнь. Под ногами он ощутил мягкий ворс ковра, почувствовал спиной угодливую приятность кожаного кресла, готового на любые капризы хозяина. Блестательный отлакированный мирок для избранных, в углу покоилась Земля в виде большого глобуса, подаренного ему друзьями. Глобус был с секретом, стоило ему пожелать и северное полушарие с лёгкостью опрокидывалось, внутри прятались бутылки дорогого заморского коньяка и хрустальные стаканы, тоже заморские.

Неожиданно дубовая дверь распахнулась. Хозяин кабинета грозно нахмурился, стараясь внушить всем своим видом недовольство нерасторопностью глупой секретарши. Но вместо гибкой талии и заманчивого декольте перед ним предстал Влад. Нахмуренные брови вначале выпрямились подобно крыльям чайки и тут же изобразили усталое удивление.

– А это ты?

Влад был из тех, для кого дубовые двери с табличками служили скорее недоразумением на пути, чем препятствием. С одной оговоркой: одни двери он открывал пренебре-

жительно, другие с должным почитанием, но в любом случае за дверью его ждала достойная встреча. И будь за каждой дверью оркестр, он непременно играл бы что-то жизнеутверждающее мажорное в его честь. Все мировые революции давно доказали: внешнее благородство зависит отнюдь не от качества генов, а всего лишь от удачи родиться под счастливой звездой успешных родителей. Тут качество генов – в смысле человечности – скорее помеха, явный атавизм, мешающий полноценно наслаждаться жизнью. Влад как раз и был этой внучатой аксиомой октябрьской революции: чванливой, нагловатой, самоуверенной, а в определённых ситуациях и хамской. Не в пример отцу и уж тем более деду, свято веровавшего в светлое и справедливое будущее, когда жадно уминал полбу из одного котелка с таким же оборванным мечтателем.

– Чего заскучал, Ёска? Тебя, говорят, искупали в овациях и чуть не на руках вынесли из зала словно небожителя. Тебе ли предаваться мирской тоске, как нам жалким обитателям земных трущоб?

– Тебе ли жаловаться.

– А вот как хочешь, так и понимай. Я уже и завидую тебе, что сам не стал баллотироваться. Тебе все почести отдал.

Влад лукавил.

Среди их «славной тройки мушкетёров» ему досталась честь быть сыном «функционера», а не бедным, но драчливым гасконцем Костей, с которым он сдружился как раз по причине умения держать удар и давать сдачи всякому, без

разбору: кто прав, кто виноват? Перефразируя Партоса: я дерусь, потому что всегда прав! Костя был тем молотобойцем, которому доверяют (не особо размышляя) раздробить кости несговорчивому врагу.

Прежние народные корни наградили Влада смекалкой и весёлым характером способным на всякие забавы. Отец был трудоголиком частенько ночующим в кабинете, дед идейным бойцом и крестьянским сыном, да видно, природа, заметив эти щедроты в предках, обделила ими наследника. Влад был просто счастливым потомком тех, кто однажды вкусил власти, и тот сладкий яд передался ему вместе с кровью. Единственное, что оставил себе в наследство Влад, была народная хитринка, позволявшая и крепостным не сгинуть под кнутами несправедливой судьбы и господ. Вот почему здраво поразмыслив с ленцой среди роскоши загородного дама, он решил: пускай Ёська исполняет «семь-сорок» перед толпой, и ветхий завет ему в спину, а мы уж как-нибудь в сторонке, где-нибудь на Карибах.

Иосифу Святославовичу выбирать не приходилось. С предками ему не особенно повезло, как Владу – в прежней стране им не особо давали разгуляться по карьерной лестнице. Кулаками «костедробильщика» Кости он тоже не обладал, да и на жёсткую школу ринга не особо напрашивался – мозги берёг. И правильно делал. Извилины, доставшиеся ему в наследство, помнили всякие времена и славные, и хорошие, и тёмные, ко всем смогли приспособиться, и на каж-

дые вопросы придумали многозначительные ответы, с пунктами и подпунктами, на всякий случай. Влада он не выбирал в друзья, так получилось. Когда садишься в поезд не знаешь, кто будет твоим соседом по купе, если, конечно, намеренно не берёшь билет в СВ, где уже по определению «всякие кататься не будут». С таким расчётом он и вскочил на подножку отходящего в грядущий день вагона.

Когда на совете в закрытом клубе, встал вопрос, кому идти в депутаты ради общего дела, Костя замахал ручищами: «Я нет. И чего я им говорить буду». Ёська стрельнул глазами-телескопами на Влада и решил: вот он шанс, наконец-то, обойти на повороте «выскачку мажора». На том и порешили: каждый остался при своих потаённых соображениях.

В одном Влад не лукавил – он скучал. Праздношатание никогда ещё не способствовало бодрости духа и вдохновенной целеустремлённости. Так, воздержание вечером приводит утром к одному единственному результату: похмельному синдрому. И так всякий раз, какие бы напитки не испробовал и в любых их сочетаниях, кстати, последнее ещё хуже. Вечерние клубы и всевозможные новомодные «пати», голые девицы и вечерние «покатушки с ветерком», тропические прелести и адреналиновые спуски с заснеженных альпийских вершин – всё набило оскомину. И он с видом жаждущего в пустыне искал «свежака». То есть свежего ветра.

И вот удача. Нет, что не говори, а искуститель неистошим на всякие там придумки. Тут с его гением не сравнится ни-

что – он непревзойдённый! Убедившись в этом, Влад вошёл в кабинет компаньона, испытывая приятную дрожь во всём теле, предвкушая нечто. Однако виду не подал, изобразив на лице трагическую маску избалованного вниманием принца.

Пока Ёська, не вполне остывший от ораторского запала, с видом бойца разрушал всяческую деспотию и искренне ненавидимую им тиранию, Влад, печальный, сидел напротив, сплетя пальцы рук и положив на них скуластую голову. Мешки под глазами добавляли его образу особую выразительность, и лишь в глазах – на самом дне чёрных зрачков, неустанно плясали чёртики, корчась от предвкушения очередной жертвы.

– Я рад за тебя – вижу ты в теме.

Влад расплёл пальцы рук и прошёл в сторону глобуса.

– Будешь? – не оборачиваясь, спросил он и, не дожидаясь ответа, буркнул, – а я буду. Так, для бодрости духа. Чувствую, до вечера не дотяну.

Ёська пожал плечами, его вольтерьянский дух не смел читать нотации, он уважал свободу личности и выбора. Гибель ближнего воспринималась им с философским спокойствием: желания покойного – закон для меня. Не лупцевать же по морде, в конце концов, от этого проявления деспотии одни синяки да ссадины.

В отношении Влада и его пристрастий он имел особое мнение: нас троё у кормила. И зная о вкусах товарища, сле-

дил за тем, чтобы в глобусе всегда стояла полная бутылка «Балантини» или Скотча, которым отдавал предпочтение его компаньон.

– Ты вечером чем занят?

– Посижу тут у себя. Завтра у меня две встречи с избирателями. Нужно подготовиться.

– Да? Ну что ж, остаётся пожелать тебе творческих успехов в борьбе со всякими там тираниями. Тут ты сел на своего конька. Слушай, – Влад изобразил недоумение на лице, – а чего он тебе лично сделал плохого, этот Сталин? Вроде у тебя никого нет в роду репрессированных? Или я ошибаюсь?

– Или.

– Так-так, ты у нас, к тому же, ещё и идейный. Так. Всё интересней. А на моего деда зла не держишь? Он у меня коммунист со стажем. Жёсткий дед был в вопросах классовой борьбы. Никому спуску не давал и себе тоже, к слову. Думаю, будь он здесь сейчас, ох, и досталось бы нам, оттягал бы за уши.

– И к стенке поставил бы?

Влад отпил, вопросительно поглядывая на Ёську. Помолчал, смакуя, пожал плечами и вздохнул, тяжело так:

– Думаю, никакой жалости – всё честно, как на духу. Не нам с тобой чета.

– Он идейный, так и мы свои идеалы не предаём. Никогда на дух не переносил всякое посягательство на чью-либо

волю.

Влад криво ухмыльнулся.

– Воля воле рознь. Одних прёт, другие скромно к стене жмутся. Вот меня прёт. А дед мой между стоял, за справедливость значит. Ох, и всыпал бы он мне. Да помер, не увидал позора.

Уже в дверях Влад бросил через плечо:

– Вот кто не скучал, так это мой дед. Отец бывал нудным. А я... Зачем я заходил к тебе, Ёська? Запомню. Ах, да! Я сегодня к отцу заглядывал, на Барвиху. Так он мне шепнул по секрету: ждите перемен. Такие дела дружище. Голова кругом.

Ах, если бы Влад мог проникнуть за чёрную завесу Ёскиных зрачков. Он бы открыл целую энциклопедию посвящённую самому себе и другим, от А до Я. И был бы чрезвычайно удивлён, что в той премудрой книги жизни о самом Ёське мало чего сказано. Какая скромность, – восхитился бы Влад, – аскет духа, боец за справедливость. И укорил бы себя: не то что некоторые спивающиеся деградирующие личности, паразитирующие на достижениях славных предков. И чем дальше он листал бы ту книгу, тем больше преклонялся. Так на коровьей лепёхе восхищаются пробившимся цветком: его силой и красотой среди всеобщего разложения и пошлости. Однако Влад книг не читал, народная смекалка ему подсказывала: книга, как книга – самая обыкновенная, там про всех нас такого начитаешься. Одно плохо:

краснобай себя высечь забывает, тельце холённое бережёт.

Влад хлопнул дверью. Иосиф восславил своё одиночество, блаженно откинувшись на спинку угодливого кресла. С Владом его связывало одна на двоих улица детства да хриплый голос земляка из магнитофона, чей дом был по соседству как идти в сторону Рижского вокзала. Ни голос, ни, тем более, «блатата» не прельщали его молодое сердце, слушал и восхищался, так, за компанию, из желания сойти за своего. Позже он открыл поэта в полном сборнике, но для друзей певец так и остался «третьим в компании», той самой душой, что способна была своим душераздирающим голосом разбередить сердечные трясины, откуда полезет всякая нечисть и от того ещё гаже и как-то не так всё... Самой крепкой пуповиной связывающей двух друзей был отец Влада, через неё и питалась та дружба. И пока её не разрезали.

Всё чаще, пристально приглядываясь к Владу, Ёська задумывался о будущем, так пассажир решает сойти раньше, с тревогой прислушиваясь к металлическому скрежету саморазрушения колёсных пар. И сейчас, в связи выборами и открывающимися перспективами, Ёська презрительно, глазами, вытолкал друга в дверь. Лишь Святославович в нём, пытался искать оправдание и прощал: «Это не большой грех, так – грешок». Но Иосиф был твёрд: «С малого начинается большое. Хочешь быть успешным – будь последовательным и целеустремлённым».

Он крутанул кресло, и перед ним предстала широкая па-

норама Москвы. Серые ноябрьские тучи морозно укрывали город, потускневший город кутался верхними этажами и... замерзал. Ёска поёжился, бросив взгляд на Кутузовский, представляя слякоть под ногами и хляби над головой. Что там Влад заикнулся об отце? Перемены? Иосиф отрешённым взглядом обозревал столицу, чьи окраины терялись в мареве. Чтобы этот каменный столп, слепленный и сцементированный из тысячи домов и миллионов судеб, сдвинуть с места – сила нужна, нечеловеческая. Сила дикая, неуправляемая, а у нас, как ни как, и слава Богу, – цивилизация. Вид каменной крепости успокаивал беспокойные мысли, растревоженные беспутным Владом.

Шалопай, – снисходительно и одновременно презрительно подумал о друге Иосиф. – Языком ляпает. Может, он имел в виду перемены в своём здоровье? Как-никак Барвиха, да и возраст?.. Да, видимо. Каменные массивы сталинской эпохи дарили ощущение незыблемости, ублажая древний пещерный инстинкт. Упование на стены.

Иосиф повеселел. И с тем настроением приступил к чтению документов. Японские «Сейко» с безучастной чёткостью отсчитали полтора часа. За окном сумерки начали поглощать беспокойную жизнь города, на помощь ей – жизни – включились тысячи фонарей, размечая проспекты, улицы и даже переулки. И этот факт – огни проспекта – успокаивал и располагал к новым взлётам мечтательной натуры. Иосиф отвлёкся и вспомнил дневные дебаты.

Оказывается, он оседлал верного конька. Прошлое никак не хотело отпускать день сегодняшний. Этот день раздирали страсти, не умеющие и не желающие прощать прежние обиды. Да и как? Именно эти страсти, желание «всё по справедливости», настойчиво подталкивали и подзадоривали, заставляли кричать до хрипоты и брызгать слюной в лицо оппонента. Так дерутся два брата за отцовское наследство: «в кровяку» и «до смерти». Мутузят друг друга, не в силах унять разошедшуюся по жилам кровь. Она теперь верховодит – не до прощения. И здесь главное выбрать сторону. На чьей сила – та и права. Та и возьмёт вверх. А завтрашний день?.. Так то не наши проблемы – им расхлёбывать. Иосиф был на стороне силы, простая житейская мудрость.

Как никогда он поверил в себя. И уже видел не тесный экипаж, несущийся к счастью, когда на ухабах локоть соседа непременно пихнёт в бок, а представлял себе красавца иноходца, и он – его гордый наездник. Чудный галоп по вольным полям родины мнился ему и заставлял расплываться в самодовольной улыбке.

Тут снаружи послышались голоса и шум. Иосиф недоумённо покосился на часы – конец рабочего дня? Шум нарастал, напоминая приближающийся локомотив. Он уже собирался встать, распахнуть двери и властно осведомиться о причине неурочного шума. Как дверь сама с треском распахнулась, и в полумрак кабинета буквально вломились

некие тёмные личности. Наполняя уютные пенаты злыми голосами и тяжёлым топотом.

– Я тебе, дрянь, покажу! Ишь ты – не положено беспокоить! Цыц, секретутка, знай своё место и помалкивай! Наша теперича власть! Наша!!!

– Да кто вы такие?.. Да как вы посмели!.. Да я сейчас охрану вызову! Вон отсюда!

Закипела свободололюбивая личность.

– А вы, гражданин, помалкивайте лучше.

– Да!..

– Сядь, тебе говорят, когда с тобой революция разговаривает! И хавальник свой закрой! Сейчас всё выясним. Иосиф Святославович Раскорякин?

– А в чём... собственно дело? Кто вы такие?

Голос дрогнул.

– Мы теперь твоя новая власть, Иосиф Святославович. А я красный матрос Иван Резин.

– Какой, такой... красный? Матрос?.. Красные в семнадцатом... а сейчас другое время.

Иосиф беспомощно взглянул на часы. Те с прежней капиталистической точностью отсчитывали секунды. Представившийся красным матросом Иваном Резиным, тоже взглянул на часы, затем поднял руку. И к своему вящему ужасу Иосиф заметил зажатый в кулаке древний «Маузер». И он совсем потерялся, когда этот мастодонт прежних и давно застывших под обелисками времён, ожил. Ожил громогласно

и властно. Грохнул выстрел, вспышкой освещая кабинет. Настенные часы разлетелись вдребезги, на пол что-то посыпались. Иосиф вздрогнул всем телом и, чувствуя, что покрывается холодной испариной, беспомощно опустился в кресло.

– Так-то вот лучше, гражданин... Раскорякин. А то начинаете тут буянить: времена не те. Баста! Кончились ваши времена! Доприватизировались. Так страну с молотка недолго...

– Кто вы? – Дрожащим голосом спросил Иосиф, вытирая холодные капли со лба. – По каким полномочиям? И что всё это значит? Не понимаю.

– Сейчас поймёте. Эй, кто-нибудь включит, наконец, свет! Как по команде яркий свет разлился по кабинету, заставляя жмуриться с непривычки. И это возымело свой эффект на Иосифа, непреклонная воля вырвавшаяся откуда-то из небытия, скорее похожая на призрак начинала материализоваться на глазах, грохотом выстрела, командным голосом способным управлять всем и даже светом. Ветхое зашевелилось в нём возвращая в чудесные времена.

– Вот так, уже лучше. Сидите тут без света. Может чего прячете от новой власти?

Иосиф, привыкший к яркому освещению, выпятился на мощную и правдоподобную фигуру матроса. Из-под бескозырки выбивался лихой чуб, на толстой жилистой шее покоилась голова, если не брать во внимание узкие карие глазки, зло стреляющие туда, куда посмотрят, то вполне наша го-

лова: из русской глубинки. Тельняшка? – так в день десантника в ней пол Москвы бродит. Но вот кожаная куртка до-революционного образца и грубые юфтевые сапоги... Иосиф ещё раз взглянул на то место, где недавно уверенно висели часы. След от пули убеждал: и куртка и часы самые, что ни на есть – настоящие.

– Так что, прячете?

– Чего... прячем?

– Документы буржуйские, в которых народное добро поделено.

– Буржуйские?..

Иосиф от волнения проглотил слюну и затравленно, исподтишка посмотрел на потайную дверцу сейфа. Тут же испугался, взгляд заметался по полу и неотвратно заметил грязные сапоги. Много сапог. Что же происходит на самом деле? Влад... нет, его отец упоминал о переменах. Он хоть сейчас в Барвихе, но связи-то не терял. Такие люди никогда не остаются в стороне. А вдруг...

– Так что? Прячем, гражданин?

Святославович воспрянул и вопреки Иосифу поднял голову.

– Вы кем уполномочены? И могу я удостовериться? Позвонить? Если вы власть то докажите.

– Ишь ты, – ехидно улыбаясь, матрос обернулся к сопровождающим его людям. Таким же призракам из прошлого, как и он сам. – Документы ему подавай.

Наглые ухмылки уставились с интересом на Иосифа.

– Позвонить? Звони – вся связь уже в наших руках, опыт имеется. И связь, и «Белый Дом» вместе с его бывшим хозяином, и здание на Тверской, и даже Кремль. Звони. А это, гадина буржуйская!

Иосиф неожиданно ощутил на зубах привкус металла – матрос ткнул ему в лицо «Маузером», не сильно, но достаточно, чтобы понять – настоящий, не бутафория.

– А это мой мандат на полномочия. Баста! Конеч вашим крючкотворным бюрократиям, когда бумажку подмахнул по благу и уже господином ходишь. Баста! А если аргументов не хватает, так я тебе напому.

И матрос тем же «Маузером» указал на то место, где висели несчастные часы.

– Вторая пуля будет в твоей тупой башке.

Святославович не сдавался, хотя Иосиф давно дергал его за ногу, умоляя утихомирится:

– Возможно. И всё-таки, если вы власть, а не бандиты с большой дороги, то должны и действовать соответствующим образом.

Куда тебя понесло, Святославович, схватился за голову Иосиф, и свет померк в его глазах.

– А он мне нравится, – снова обратился к толпе матрос, небрежно махая «Маузером» прямо перед носом снова оторопевшего Иосифа. – Не зря в комитете предупреждали, чтобы с этим супчиком не сильно рукоприкладствовать. Он мо-

жет быть из наших. – Матрос снова склонился над бедным Иосифом. – Наслышаны мы о ваших речах. Толково, а главное смело. О коррупции, о грабительской приватизации: завод, вроде, всем миром строили, а кушает его один. И ещё хвалится, мол, он другим кормиться даёт. Врёшь, морда милосердная, не ты нам зарплаты выдаёшь, а мы её честным трудом сами зарабатываем. Наоборот – это ты в наш карман руку запускаешь. Вот почему нам едва на ржаной хлеб хватает с «Дошираком», а ты икру чёрную, вином марочным запиваешь. Так кто вор? Вот почему, мил человек, я тебе сразу пулю в лоб не пустил. Думаю, сейчас кровь ручьями по Москве льётся.

Иосиф вжал голову в плечи и невольно прислушался. Толстые стёкла хранили тишину его уютного кабинета и всё же, вот что-то грохнуло приглушённо, завывала сирена.

Матрос Резин отодвинулся, позволяя вздохнуть свободней.

– Да ты трюхай, речи верные твои. И коль сказаны от души и веришь... Да, кстати, о власти. Это ты зря о бандитах. Кто бандиты ещё разобраться нужно. А я тебе так скажу, по исторически: вначале все бандиты, потом уже власть благородная законная. Так вот, меня прислал революционный комитет, он призывает честных людей, людей совести исполнить свой долг перед страной, перед народом... Ты готов? – после недолгой, но тяжёлой паузы спросил матрос, и глаза его превратились в амбразуры, откуда в любой момент можно было

ожидать свинцовый смертельный поток.

– К чему готов?

– Это я так, пошутил насчёт кровавых рек. Что хочешь думай, а мы – власть. И будем судить. И тебя зовут стать участником тройки, как честного и справедливого гражданина своей страны.

– Тр... тройки.

– Да. У тебя и имя соответствующее – революционное.

– Так...

Новые струйки пота неприятно потекли вдоль позвоночника.

– Что, так?

– Так тройки, – воспрянул Святославович, – тройки отголосок советской тирании.

– Э-э, вон ты куда. Так, гражданин, недалеко от той роковой стены, где тебя и кончат, как контру. И знаешь что?..

Иосиф похолодел и не смог произнести ни слова.

– Я – матрос Иван Резин, – вот он, – Резин ткнул оружием революции в молодого парнишку, на котором старинная гимнастёрка топорщилась, как пух на птенце при сильно ветре, – и он, – Резин перевёл «Маузер» на другого «красноармейца» из своей разношёрстной свиты. Им оказался пожилого возраста человек, совсем не воинственного вида с обвисшими усами. Когда предводитель указал на него, он весь собрался, лицо стало суровым, а руки крепче сжали мосинскую винтовку, выставляя её перед собой, словно он салюто-

вал ею. – Вот они, прямо сейчас и прямо здесь станут вместе со мной революционной тройкой, и будем вершить революционный справедливый суд над гадами и рвачами. Над теми, кто против народной воли. Верно?

Те, на кого указал матрос Иван Резин, не задумываясь, закивали головами, с ненавистью поглядывая на несчастного Иосифа. Пожилой решительно добавил:

– Верно. Давно надо было. Пока страна ещё целая была.

Святославович сдался – против народной воли ему совесть не позволял восставать. Зато, перед лицом смерти, оживился изворотливый Иосиф.

– Товарищи! Мне хотелось убедиться, что вы – это правда. Сами понимаете, какое время сейчас. И нужно судить! Нашим судом, по совести. Я уже не раз высказывался на эту тему.

– Было, наслышаны. Теперь докажи свою лояльность новой народной власти. Пойдём.

– Куда?

– Не трюхай. Суд чинить по новому закону над расхитителями народного добра.

Когда он покинул свой кабинет, первое, что бросилось в глаза – бледное, белее электрического чайника, лицо секретарши. Застывшими глазами, из уголков которых, видимо, недавно стекали и уже успели высохнуть ручейки туши, она провожала «шефа», будто видела в последний раз.

В коридорах офисного центра творилось нечто невооб-

разимое. Ожившие призраки забытой революции носились между кабинетами, гремя сапогами и оружием. Валялись опрокинутые «кулеры», кадки с пальмами, пачками какие-то листовки и рассыпанные документы. Под конвоем выводили клерков. Вид у многих был жалкий и помятый. Кого-то выволакивали силком. Несчастный верещал и просил пощады. Парень блатного вида, в кепке и с карабином в руке, другой рукой тащил упирающегося мужчину, в котором Иосиф признал руководителя коллекторской фирмы «Справедливость». Резин остановился и гневно крикнул:

– Прекратить! Борзыкин, ты чего тут самосуд творишь!

Тот, кого называли Борзыкиным, выпрямился, не выпуская своей жертвы, увидев Резина, на мгновение смутился и тут же принял невозмутимый нагловатый вид.

– Какой же самосуд, товарищ Резин? Это гад из гадов, таких и без суда судить можно. Мы с ним в одной камере когда-то сидели. Он за мошенничество, я – как честный вор. Вертухаем он был. Я решил завязать. А он видите, – Борзыкин схватил руководителя «Справедливости» за галстук, от чего тот стал пунцовым, – как был вертухаем, так и остался. Сам дрянь и других с дерьмо окунает. А люди многие по не знанию, по советской прежней наивности верят банкам. Им и невдомёк, что волки там теперь поселились. Зубки «блендамедами» очистили, шерсть под белыми рубашками спрятали. Ну, гад, пойдём, я твою жизнь грешную порешу – людям добро сделаю.

– Борзыкин, я кому говорю прекратить самосуды. Тащи его вниз, сдай под охрану Топорову. Всё понял?

– Понял, товарищ Резин. Пошли, сволочь, ещё на пару часов больше поживёшь. Воздух будешь смердеть.

Иосифа вывели на улицу. У входа, и он уже не удивлялся, стоял самый настоящий броневик, правда, уже образца где-то годов тридцатых-сороковых. Тут Иосиф был не силен. К тому же его внимание отвлекла другая картина: свежая лужа крови, растекающаяся прямо по серому гранитному крыльцу. Было видно, что тут кто-то был убит совсем недавно, а тело оттащили в сторону. Иосиф быстро пробежал по размазанным следам и его охватил ужас. Двое в шинелях, запрокинув винтовки за спину, тащили неподвижное тело за ноги. И делали это так заправски и по-деловому, будто тащили барана на разделку. Ноги под Иосифом задрожали мелкой дрожью и начали подкашиваться – он узнал убитого. «Костедробилка» волочил мёртвые руки по земле, и сейчас, как никогда раньше, напоминал огромную богатырско-го размера дубину, с которой едва справлялись два взрослых мужика. Оттащив тело в сторону, они бросили ноги, да так и оставили за ненадобностью, словно то был мусорный кулёк в ожидании мусоровоза.

Иосифу было предложено забраться в кузов, сидеть там и «не рыпаться». Плотный брезент и спины взобравшихся следом вооруженных людей загородили ему то, что творилось в городе. Грузовик долго кружился, порой раздава-

лись выстрелы, возбуждённые крики и вопли, которые обычно рождаются в горле смертельно напуганном. Вопли превращались в стоны, от которых холодеет внутри и возникает ощущение звериной безысходности. Иосиф никак не мог унять мелкую противную дрожь.

Грузовик последний раз дёрнулся и уткнулся. Люди посыпались из кузова. Его грубо подхватили под мышки и чуть ли не силком заволокли внутрь здания. Как не пытался он оглядеться и понять, где находится – ему не удалось. Что-то было знакомо, а что-то внове. Коренному москвичу любые столичные проулки покажутся знакомыми. Одно успел заметить он: солидная металлическая вывеска сбоку широкого и высокого входа – всё указывало на государственную солидность, никаким частным капиталом тут не пахло, никакой крикливости. Внутри его сразу отпустили, по строгому окрику всё того же матроса Резина. Он стал для Иосифа чем-то вроде ангела спасителя, среди всеобщей неразберихи. Иосиф, после того как на его глазах отволокли тело убитого Кости и бросили, даже проникся особым чувством к этому уверенному в себе и властному матросу.

Он, как мог, поспевал за широкими шагами в юфтевых сапогах, семеня и часто переходя на бег. Коридор с высокими потолками и красной ковровой дорожкой снова убеждали его, что он под крышей бывшего учреждения. А может и настоящего, кто сейчас разберёт: где оно бывшее, и где настоящее? По-моему власть тем отличается от всякого события

в стране, будь то революция или обыкновенный переворот, что в любом случае она – власть. То высшее божество, тот абсолют, который, ради забавы, примеряет костюмы, мантии и короны, чтобы потом бросить их на пол с презрением высшей силы перед ничтожеством, поклоняющейся всяким там идолам и символам.

Пробежав несколько лестничных маршей, Иосиф настолько запыхался, что едва волочил ноги, и когда Резин уверенным движением распахнул двери в глубокой нише и объявил: Добрались, – он облегчённо вздохнул, проникая следом сквозь толстые стены, способные простоять не одно столетие и повидать новых хозяев, с их удивительными метаморфозами и превращениями из рабов в рабовладельцев.

Внутри было дымно. Курили, казалось, все, и даже дама в кожанке нещадно дымила. Она приветливо встретила матроса и подозрительно оглядела «фирмовый прикид» новичка. Иосифу почему-то стало неудобно, хотя всего несколько дней назад, он был готов выложить приличные деньги (и выложил) за этот настоящий английский твид, приобретённый им по случаю в Лондоне. Он придавал ему статус и был так же необходим, как бусы дикарю, указывающие соплеменникам: белые люди-боги уважают меня за то, что я имею собственное стадо и могу зарезать хоть дюжину, ради хвалебного пира тщеславия. И соплеменники верили и расступались, давая дорогу. Теперь Иосиф замечал, что бросает оценивающе взгляды на то, что может стать модным, а глав-

ное нужным атрибутом изменчивого времени. Кожанки ему приглянулись: солидно и практично, сразу видно – кожа добротная.

– Кто это, Резин? Чьих он будет?

Тётка-пароход на всех парах подплыла к Иосифу, в глазах защипало.

– Так, этот – Раскарякин.

– Уж не сынок ли Святослава?

– Да, вроде он и есть.

Слушая диалог, касающийся собственно его, Иосиф продолжал моргать, на всякий случай сохраняя молчание.

– Его зачем сюда?

– Так было сказано он в тройках. Мужик правильный, хоть и из владельцев. Но так Морозовы тоже в своё время помогали. Речи перед народом правильные ведёт, агитирует против тирании.

Женщина, с пронизательностью присущей её полу, оглядела Иосифа, начиная с ног и до головы. Потом хмыкнула с видом знатока-коневода.

– Хорош франт. Как есть – весь долларовый. Ну да ладно, проверим какова цена его речам. Веди его в триста семнадцатый. Там сейчас начнётся.

И снова мелкая дрожь напомнила о себе. Как обкуренный вошёл Иосиф в дверь, на которой красовался лаконичный номер 317. Внутри оказался стол, зачем-то накрытый красным полотном, три стула. За стульями, возле кумачово-

го знамени, висел портрет Сталина.

Бред какой-то, – пронеслось в голове Иосифа: причём тут Сталин?! Потом возникла другая идея ещё бредовой первой: может случился временной разлом и я попал в него? Сколько пишут и по телевизору передачи всякие... Бред! Бред! Всё бред! А что не бред тогда? Костюм? – И он на всякий случай ощупал себя, отмечая приятную мягкость английской шерсти. После всех испытаний она по-прежнему дарит ощущение комфорта и добротности. Тут он вспомнил, как несколько минут назад примерял (мысленно, пока) кожанки, сравнивал практичность юфти и неотразимую красоту хромовых сапог. Последние привлекали больше. Бред!!!

Его примерку прервали самым грубым образом.

– Ну чего встал и рылом воротишь. Садись, товарищ, будем суд вершить.

Снаружи грохнул дружный залп.

– Вон, наши товарищи зря время не тратят. Знай себе, осуждают врагов народа. А и то правильно – вон их сколько развелось, эпидемия прямо.

Не слушая, Иосиф опрометью метнулся к стрельчатому узкому окну, увидел маленький дворик, напоминающий, почему-то, больничный. В нескольких метрах от глухой стены выстроились люди с дымящимися винтовками наизготовку. У самой стены, ничком прислонившись к ней, сидел человек в неудобной позе. Сама стена вся было в мелких выбоинах и бурых разводах.

– Шлёпнули. Туда и дорога.

Раздался за спиной всё тот же тихий безапелляционный голос.

– Как шлёпнули?

Иосиф отвернулся от окна и обратился к низкому сухонькому старичку, редкие седые волосики едва прикрывали практически лысый череп, но они были тщательно зачёсаны набок. Бородка клинышком – словно привет из иллюстраций книжки Чуковского про «доброего доктора Айболита». Но больше всего его смутил халат: безукоризненно белый халат врача.

– Как шлёпнули? – Повторил он вопрос.

– Обыкновенно – пулями.

– Насмерть? – уже понимая всю глупость заданного вопроса, вылупился на «доктора» Иосиф.

– Нет, на жизнь. Шлёпать на жизнь нужно было в детстве. А теперь – насмерть. Так то обоюдно получается – они тоже творили непотребное. Грехом жили.

– Но это не гуманно, бесчеловечно. А суд? А ценности цивилизации?

– Ценности? Так они переоцениваются в одну минуту. Происходит уценка, или, наоборот, так взвинчивают цены – никакой жизни. Можно и не пулей убивать, товарищ. А суд, так мы ту на что? Вы, я, сейчас третий подойдёт.

– Я в тройке?!

Иосиф вспомнил, как давеча он громил в своих речах

«сталинщину» и эти самые тройки. И был искренен. Его дед, по рассказам отца, тоже был когда-то репрессирован. Он с таким воодушевлением оседлал конька борца с тиранией, что сам начинал верить, забывая о своих компаньонских обязанностях: подсчитывать прибыль и всячески минимизировать расходы.

– Так, приступим нечего простаивать.

В комнату влетел всё тем же широким шагом матрос Резин и сразу уселся за стол. Приглашая жестом Иосифа и «доктора» последовать его примеру. В каком-то горячем тумане, Иосиф проплыл к столу и бухнулся на стул.

– Введите. Итак, рассматривается дело Своякова Владимира Владимировича.

Иосиф подскочил от неожиданности и увидел, как ввели Влада. Жалкого и явно избитого, о чём свидетельствовали кровоподтёки. Вид у него был измученный, смотрел в пол.

– Чего скачешь, будто заяц подстреленный?

– Его-то за что? Его дед... знаете.

– Знаем. Вот за это самое и будем судить. А потом и папашу его. За предательство светлых идеалов революции. Дед живота не жалея революции служил а они.

Мысли Иосифа заметались вокруг некоего спасительного круга и тут его осенило:

– А где доказательства? Факты? Вот так голословно разве можно?

– Можно! – Отрубил ладонью Резин, да так, что стол жа-

лобно сотрясся под ним. – Такую страну, такие достижения коту под хвост. Обслуживал, приватизировал и слопал. Один, и не подавился. И папаша, тоже хорош – коммунист. Перевертыш. Всё, баста! Судить гада по всей строгости революционного времени. Какие ещё факты тебе нужны?

– Нет, я так не могу! Это... это не гуманно, по крайней мере. А вдруг мы ошибаемся на его счёт? – Иосиф схватился за соломинку, – он, кстати, благотворительностью занимался. Школам помогал. Хоккейной команде. – Иосиф заметил, как Влад удивлённо поднял голову и, как ему показалось, даже с интересом поглядел в его сторону. – Да, да – благотворительность!

С большим пылом продолжал отстаивать друга Иосиф, забывая, как накануне, тот же Влад ругал районную администрацию, обязывающих их корпорацию финансировать местный хоккейный клуб. «На ровном месте раздевают. – Влад смачно выругался. – Всё за чужой счёт хотят в рай въехать. Что там у нас с Н-ским заводом?» «Требуют повышения зарплаты». «Фигу им а не повышения». «Но...» «Фигу сказал. И ссылайся на районную администрацию». Потом Влад крепко хлопнул дверью, успев весело сообщить: «Я в клубе «Какаду». И умчался на дорогушем «Брабусе», чья стоимость позволила бы заводчанам безбедно существовать год, а то и два.

– Так, хватит тут словами сорить. Благотворительность. Знаем мы: сначала тысячу в карман потом копейку на лам-

пады. Всё проехали. Баста! К стенке сволочь. Кто за?

Резин поднял руку. Следом потянулась рука «доктора».

Иосиф неистово замотал головой.

– Нет, нет, нет. Так не правильно, как-то. Так нельзя судить. Это не суд – судилище. Ну, товарищи, милые.

Резин сморщился.

– «Милые». Фу, буржуазные сопли. Так, не хочешь занимать это место, марш вон на его место. И тебя осудим. Ты оказывается засланный казачок-то. Слова одни, а как до дела дошло, так и нутро своё показал. Позовите там Клавку. Марш, марш!

Резин небрежным жестом указал туда, где стоял Влад.

– А этого пока увести.

Сердце забухало в груди. В проёме, в клубках дыма, показалось худосочное лицо. Иосифа спасло то, что выводили Влада, и в дверях случилась заминка.

– Стойте. Стойте! Я осознал значимость момента.

– Да? И каким это образом?

– Так революция! А я до сих пор судил реалиями мирного дня.

– Ага, мировой судья. Мироед. Ну что же прекрасно. – Влад дал отмашку входившей женщине, – Клав, тут товарищ не понял важности революционного момента, но теперь осознаёт, так что возвращайся пока к себе.

– Этого вводить?

– Думаю не надо – мы его уже видели. Так ведь, товарищи?

«Доктор» с Иосифом единодушно кивнули, Иосиф с облегчением – ему не хотелось видеть помятое лицо Влада, его глаза.

А чего я, собственно, защищаю его? Разве у меня не было своих планов в последнее время. Разве мне не надоело быть номинальным хозяином: «одним из трёх, но последнее слово за Владом». Ему всё: и право первой ночи, и самые лакомые куски, уважение – всё. А тебе, Иосиф, что? Комсомольский вожак, вечный второй номер после товарища коммуниста. И ждать пока он состарится и уступит тебе. Баста! Теперь мы попляшем. Наша власть.

Он опомнился и заметил, что Резин и «доктор», оба вытянули правую руку вверх и выжидающе смотрели на него. Чуть поспешней, словно боялся опоздать, он вздёрнул руку над головой.

И был ошеломлён.

Послышались аплодисменты. Резин вскочил и заорал:
– Баста! Снято! Приколы кончились.

Влетел Влад и, заметив круглые Ёськины глаза, начал хотать. Иосиф, ничего не понимая, смотрел на преображённую Клавку в изящной юбке и кофточке с заманчивым декольте.

– Розыгрыш, Еська! Ро-зы-грыш. У тебя адреналин разве не зашкаливает? Такие деньжищи бухнул. Декорации, костюмы, артисты. Да центр наш чего стоило подготовить. Ёська-Слався!

Влад продолжал ликовать. Иосиф, не произнеся ни звука, спустился во двор, подошёл к стене, заметил мастерски на-малеванные выбоины от пуль, следы «крови». Поднял лицо, в узком проёме окна светилось самодовольной лицо Влада, и тихо прошипел себе под нос:

– Ублюдок.

Когда Иосиф Святославович Раскорякин стал депутатом, он начал судебные тяжбы о возмещении морального ущерба и прочее, ответчиком в суде выступал Влад. Адвокаты с обеих сторон с деловитой расторопностью палачей, так выворачивали руки бедной морали на дыбе крюкотворства, что ей ничего не оставалось, как корчиться в болях и, выть от муки, давать любые показания, дабы облегчит страдания и мечтая о близком конце, как о самом лучшем исходе.

16.12.16 (Сочи)

Благословляю

За окном, под мерный металлический стук колёс, пронеслась его страна. Стук был тяжёлый, пейзажи размазанными по стеклу. Вслед за убегающими лугами пролетали секунды и минуты. Пролетали бессмысленно, безучастно. Говорят время нельзя листать, мол, у него нет страниц. Оказывается можно. Так же листают красочный альбом с чужеземными красотами – взглянут, лизнут палец и дальше, без сожаления. Ну и что, что горы... долины... затейливое переплетение ровных квадратов вспаханных полей и дикий хаос лесных дебрей с потерянными тропами среди корней. Скучно. Сизые клубы сигаретного дыма окутали холмы и перелески, дым был понятным и ароматным. Всё остальное... да гори оно огнём!

Когда дым снова окутал неизвестную деревеньку – зацветающие сады за покосившимися заборами и храм со стенами небесного цвета, внутри что-то дрогнуло, словно сердце кто-то сжал крепко-крепко и тут же отпустил. Откуда во мне это?..

Окурок исчез в банке из-под горошка, заменяющего в тамбуре пепельницу. Егор вернулся на место, лёг, заложив руку за голову, и уставился в белый потолок прямо перед носом, пытаясь связать его безукоризненную белизну и то, что ему пришлось пережить в ближайшие два года. Не по-

лучалось – отмытая белизна раздражала. На остановках он выскакивал на перрон, покупал пиво и жадно, почти одним глотком выпивал его, под укоризненные взгляды немолодой проводницы в синей униформе. Униформа тоже раздражала, и Егор отворачивался: плевать я хотел на ваши взгляды – жажда замучила.

Покачивание вагона и непрерывная гулкая трескотня голосов сморили Егора, чему он, впрочем, не сильно сопротивлялся – сон единственное, что примиряло его в последнее время с действительностью.

– Лихая через сорок минут! Солдатик просыпайся, твоя станция!

Его осторожно тряхнули за плечо, заставляя вернуться туда, где для него не было мира. Он нехотя открыл глаза и встретился с другим взглядом, глубоко запрятанным за сетью морщин, туши и сиреневых теней. То ли он осуждал, то ли прощал, понимая, разбираться было некогда, да и не очень-то хотелось.

Родной перрон под начищенными берцами не вызвал в нём особой радости. Вернее, не того он ожидал, часто мечтая об этом миге. Ни звонкой меди сверкающей на солнце, ни громких напутствий – длинная заплёванная жевачкой брусчатка, заставленные товарняками пути. Тогда как-то всё выглядело иначе, хотя...

– Тётя Клава, здравствуйте. Не признаёте?

Худошавая тётка в старом пальто, ещё помнившем совет-

ские времена, перестала предлагать «пиво, чипсы, семечки», близоруко прищурилась на молодого солдата.

– Егорка, что ли? На побывку али на дембель?

– Крайнее.

– То-то дома обрадуются и мать, и отец, батюшка.

Слово «обрадуются» щёлкнуло ключиком в закрытой настороженной душе, свежим ветром пахнуло в лицо, на котором заиграла улыбка. Уже не замечая лёгких примесей креозота в стационарном воздухе, Егор вздохнул всей грудью и выдохнул:

– Я дома, тётя Клава. Дай семечек.

– Бери, бери. Деньги-то убери, неужто, думаешь, тётя Клава угостить не может по случаю дембеля? Обижаешь.

Широким нетерпеливым шагом Егор подходил к родному дому. Вон уже не только маковки храмовые видны, но и знакомый строгий лик над входом, берёзка склонилась над ступенями. А через дорогу, за деревянным крашеным частоколом, деревянный сруб, резные наличники, старый замшелый шифер гладит весенняя листва. Родной дом, знакомый до занозы и вместе с тем иной, не такой как в детстве.

Егор от волнения закурил. Вспомнил, что отец всегда не одобрял «блажь – дым пускать», и снова робкая улыбка, ладони запорхали перед губами, разгоняя едкий дым, глаза шаловливо стрельнули в сторону занавесок на окнах и калитки. Недокуренная сигарета полетела под ноги и те начали втирать окурок в жирный Воронежский чернозём. Дома!!!

Мать, всякий раз заметив сына, продолжая хлопотать у праздничного стола, озарялась той тихой радостью, коей не раз вдохновлялись художники, изображая богородицу. За столом было шумно и звонко, подвыпившие по случаю гости не оставляли Егора без внимания то выпивая за его здоровье, то требуя рассказов о современных солдатских буднях. Отец, сидевший по левое плечо, благодушно улыбался, и всякий раз обнимал сына, словно хотел взять его под свою защиту от назойливости «пьянчушек».

– Хватит ему наливать по полной. Хватит, ей богу. Пожалейте его молодые годы, ах вы пьянчушки бесстыдные, сами меры не знаете и сыновей туда же.

– Ты хоть и батюшка наш, Серафим, а и мы меру блюдем. А всё ж интересно, какого сейчас воюется? Твой Егор, считай, сквозь чистилище прошёл и живым вернулся. Ты о том с алтаря вещаешь нам, а тут можно сказать из первых уст.

– Грешники, фильмов насмотрелись про войнушку. Не мог я вам про чистилище, да ещё к тому же с алтаря. Чистилище то папство выдумало. У православных не так.

– Может оно и так по нашей вере, однако же, кровь и всякая грязь военная, что у православных, что у них на западе – одинаково смердит и одинаково страшно. Ты скажи вот, Егор, что они на самом деле такие звери головорезные?

– Кто? Чехи-то?

Немного сомлевший Егор поискал глазами того, кто спрашивал.

– Какие чехи? Думаешь, мы географию в школе не изучали? Не знаем где Европа? Я тебя о кавказцах спрашиваю, о чеченцах.

Егор нервно повертел в руке вилку.

– Слушай, Петрович, дай сыну отдохнуть от службы. Забыть. – Вступился отец, ложа руку в рясе на плечо Егора, бросая укоризненные взгляды на въедливого соседа.

– Забыть?

Егор неожиданно отбросил вилку, та брякнулась между тарелкой и рюмкой. Стало тихо. Дед Степаныч икнул, сам испугался и прикрыл рот корявой ладонью.

– Забыть... Забыть можно. Да вот только как это «можно» применить. Спрашиваете, звери они? Звери. А кто на войне не звереет. И мы в долгу не оставались. Они ножом головы режут, а мы снарядами. Тем, кто погиб, думаю, без разницы, чем им голову оттяпали.

Сзади незаметно подошла мать, обняла сына, поцеловала в темечко.

– Ах, ты кровинушка моя исстрадавшаяся. Пойдём, пойдём. Я уже постелила в твоей комнате. Приляжешь, отдохнёшь, а там, глядишь, Бог и успокоит, примирит. Так оно всегда бывает.

Егор благодарно улыбнулся матери. Каким-то усталым движением покачал головой.

– Да, пойду я... Извините меня.

Под хмельные напутствия он покинул застолье, и долго

лежал в темноте, куда из-за стены доносились приглушённые голоса, похожие на шушуканье. Наконец он сомлел и забылся во сне.

Другу Лёшке, с кем они были призваны в один день, повезло больше. Он прослужил в танковом рембате, в какой-то Сибирской глуши. О службе он вспоминал редко и все прибаутками и солдатскими анекдотами. Егор слушал, улыбался. Лёшка приставал к нему с расспросами и смотрел на друга так, будто тому выпала большая удача, и он теперь герой в глазах земляков. Егор отвечал с неохотой и то когда находился в подпитии, тогда глаза его стекленели и отказывались замечать кого-либо вокруг. Лёшке это казалось непременным качеством любого «бойца повидавшего кровь». Он обхаживал «другана», довольный тем, что хоть так, косвенно, причастен с подвигом. Особенно эта роль удавалась ему, когда рядом оказывались одноклассницы или соседские девчонки.

– Ну чего пристали к человеку. Вам всё равно не понять, что ему пришлось пережить. Война она не жалеет никого.

– А ты понятливый?

– Я? А-то.

Они сидели на берегу неспешной речушки. Молодая трава изумрудным платком обрамляла излучины и старицы. Солнце неторопливо клонилось к окоёму, краснея от предвкушения ночного отдыха. За рекой вдали прогрохотал поезд и стих. Молчали и камышовые заросли, где всегда пря-

тался ветер.

– А ты убивал?

Егор неотрывно смотрел на тёмное течение, можно было подумать, что оно завораживало его. Лёшку было не унять, он-то знал причину гипнотического состояния друга, и вовсе не река тому виной. Он протянул другу новую бутылку пива.

– Ну чего молчишь, убивал?

– А ты как думаешь?

– Думаю – да.

Сорванная резким движением пробка полетела прочь. Острый кадык зашевелился, отмечая каждый жадный глоток.

– Однажды на моих глазах осколок мины полосонул друга. Такого же, как ты. Полосонул от горла до... – рука метнулась куда-то вниз, затем потерянно покрутилась перед животом, махнула ладонью и вернулась на место. – Да, всего исполосовала. Кишки наружу, а он ещё живой. Понимаешь – живой! Недолго, правда. Покорчился и замер, а мне страшно тогда стало. Меня стошнило, прямо, прямо на него.

– Так друг ведь.

– Друг, – согласился Егор, пьяно качая головой, – а всё равно. Это не кино, Лёшка. Друг. Одного не пойму: это его осколком или меня?

– Как это?

Лёшка наклонился, пытаясь разглядеть лицо Егора.

– Тебя, вроде же как...

– Да, Бог миловал – целый я и невредим. Вроде как... А вот тут, – каким-то порывистым самурайским движением Егор ребром ладони наискосок рассёк воздух перед собой. Пустая бутылка упала на траву. – Словно бы меня тем осколком полосонуло, Лёшка. Полосонуло насмерть. За минуту, мы с тем дружкой одну сигарету на двоих значит. А тут лежит, уже не движется глаза в точку, мёртвые, а... а от кишок пар идёт – тёплые ещё. Вот и я вроде тёплый и вроде нет уже. Его железным осколком полосонуло, а меня каким? Лёшка, Лёшка, друг.

Егор отвернулся, пряча слёзы.

– Егор.

– Да пошёл ты! Открой лучше бутылку.

Снова кадык механически отсчитал глотки.

– Что-то мы сегодня с тобой много выпили, Лёшка.

– Есть маненько. Да ладно, не каждый день, ведь.

– Так и живу располосованный надвое, один Егор там остался, другой тут.

– А всё-таки мы этих черномазых тоже немало положили. Туда им и дорога. Расплодились, проходу от них нет. Но ничего, ничего, мы ещё, – Лёшка воинственно кому-то погрозил бутылкой на том берегу. – Только и умеют, что торговать.

Егор будто не слушал друга, провожая тихое течение остекленевшим взглядом. Затем он встряхнулся всем телом, поискал глазами, увидел разошедшегося Лёшку и неожиданно заулыбался.

– Ты это кому бутылкой-то. Вояка, – по-доброму хмыкнул он, – бутылкой. А вообще-то зря ты так.

– Что?

– Черномазые.

– А что? Как есть.

– Зря. Они как мы. Нас всех кто-то звереть заставляет.

– Кто?

– Знать бы... Я бы ему кишки выпустил. – Он помолчал и зло добавил, – живому. Вот кого не жаль, Лёшка. Был у меня случай. Нас тогда на зачистку отправили. Аул в горах. Мы на БМД подъехали, спешили заранее и с разных сторон вошли в тот аул. С виду вояки, а сердце внутри трепыхается. Палец так и теребит курок. В дальнем конце началась стрельба. Крики. Сержант со всеми пошёл в ближайший дом, мне показывает на сарай, мол, проверь там. Я метнулся туда. Чувствую руки потные. Тут за спиной грохнула ручная, и сразу очередь из АК. Пинком вышибаю дверь в сарай. Двери у них смешные, знаешь, на честном слове держатся. И влетаю внутрь, штык впереди. И лицом к лицу сталкиваюсь с ним.

– Чеченцем?

Егор мотнул головой.

– Да. Молодой, как и я. Глаза выпучил дикие на меня. Бородёнка ваххабитская едва пробивается и тоже автомат в руках и на меня направлен, дрожит. Думаю, в тот момент и у меня глаза были страшно выпучены. Стоим, и замерли,

боимся – а вдруг выстрелит первым. Знаешь, мы оба молодые и обоим жить хочется. Ох, как хочется. Смотрю, и, знаешь, злобы-то нет на него – мы похожи: две бородачки смешные. Одна тёмная козлиная, другая – щетина на всё лицо. Две пары глаз. Одни чеченские – карие, словно ущелья глубокие, другие – светлые луговые, воронежские. И в обоих без перевода читается: жить хочу! Это и так без перевода понять можно. Мы и поняли. Он мне кивает, а сам глазами на ход в задней стене показывает. И я глазами мырг-мырг ему – понял. Стоим, как два немых и понимаем друг друга. Автоматы опустили и, не сговариваясь, он бочком, я спиной, так и покинули сарай. Сержант спрашивает: «Чисто?» Я ему: «Чисто». А у самого руки дрожат, так и тянутся, подлые, к под сумку, где гранаты.

– Бросил?

– Гранату? Нет. Там за сараем сразу обрыв был, слышу, камни посыпались.

Егор встал, пошатываясь, подошёл к самой воде, поискал, поднял голыш и попытался запустить «торпедой». Получилось коряво, сам он завяз в песке и упал. Раскинул руки и то ли заплакал, то ли засмеялся, сотрясаясь всем телом.

– Егор, чего?

– Да, так... Два щенка, два волчонка. Их учат рвать всех клыками, да слава богу клыки ещё не выросли. Челюсти слабые.

– Какие ещё щенки?

– Да я про нас, с тем чеченцем. Где он сейчас? Жив ли? Жив. И, слава Богу. Знаешь, Лёшка, он хоть и мусульманин и ваххабит, а Бог, тогда в сарае, для нас один был.

Егор неумело поднялся, пошатываясь на ногах.

– Темнеет, Лёха.

– Угу.

– И кто нас полосует надвое, что никак не срастается?

А Лёха?

Егор отвернулся от реки и уставился тупо на нелепую фигуру друга, темнеющую на пригорке.

– Так, тебе хватит. Пойдём, я тебя домой отведу.

Егор хмыкнул довольно.

– Как маленького. Ну, пойдём, братишка.

У дома Егор в нерешительности упёрся.

– Постой.

– Ты чего. Вон уже и дом твой, в окнах свет, кажись, тебя дожидаются. Точно. И мне уже пора, дома батя опять ругаться станет.

– Батя? Постой, братишка. Батя?

Егор, который до этого послушно опирался на плечо друга, высвободился и решительно повернулся в сторону тёмной глыбы храма на противоположной стороне улицы.

– В храм хочу. Может там мне ответят, кто меня исполосовал, живого.

– Ты достал, Егор. Кто там тебе сейчас ответит. Храм-то на замке.

– Как на замке? Кто же храм-то и на замок?

– Батя твой. Так положено, наверное. Воры всякие.

– Какие воры, Лёха. У меня вот тут всё болит, и я хочу в храм. Там мне завсегда хорошо было. Тихо, мирно, лучики под куполом. А кресты, Лёха, что над маковкой, мне всегда птицами казались. Засмотрюсь и мнится, что летят они. И так хорошо становилось.

Егор запрокинул голову и чуть не опрокинулся навзничь. Хорошо Лёшка был рядом.

– Какой храм тебе, какие птицы, ты на ногах еле стоишь.

– Хочу в храм!

– Горе прямо с тобой. Ну пошли.

Поддерживая один другого, они поднялись по широким ступенькам.

– И верно – заперт. И замок такой – добротный. Узнаю батю, всё у него вот так – по-хозяйски. С амбарными замками. А если мне надо ночью? Если вот душа ноет? Тогда как, братишка?

– Утром.

– Утром? Утром не так темно, – Егор насупился и кисло дыхнул прямо в лицо Лёшке.

– Фу, ты от тебя несёт. Будет мне на орехи и от твоего бати и от моего.

– Будет, – по-доброму заулыбался Егор, – от тебя ведь тоже не «шанелью» несёт. – Егор прислонился лбом к двери храма. – Батя, батя, зачем ты храм запер для меня. Мне так

плохо сейчас. Так...

Чуть ли падая на каждой ступеньке, Егор каким-то расхлёстанным движением ринулся вниз. Лёшка даже икнуть не успел, как тот оказался возле берёзки, согнулся, опираясь рукой о белый ствол, и начал рыгать, содрагаясь всем телом, как будто хотел извергнуть из себя нечто большое неудобоваримое.

– Егор! Ты чего это! Храм же!

– Да ну его – он заперт.

Прислонив друга к калитке, Лёшка как мог, быстро ретировался, шепнув на прощание:

– Ты давай сам тут, а я домой. Тоже достанется.

Мать так и осталась стоять под образами, молитвенно сжимая ладони. Отец привстал из-за стола, долгим взглядом изучал сына, потом снова водрузил массивное тело на стул. От чего тот заскрипел.

– Явился. Так-так. Мать, погляди на него. А воняет как. Словно из преисподней явился. Фу.

– Чего фу? А может я и впрямь из преисподней?

– Не богохульствуй! В доме моём, – уже тише прибавил отец, сверкнув на сына из-под бровей.

– Батя, а чего храм-то заперт?

– А что?

– Так я зайти хотел.

– В таком виде?

– А в каком?

– Нет, ты посмотри на него, мать. Совсем совесть потерял.

Пьяным и в храм.

– Потерял, – Егор опустил голову. – Только не пьян я, батя – болен. Вот тут болит.

Грязные кулаки изобразили перед грудью нечто напоминающее жернова.

– Я в храм шёл, исцелиться хотел. Ты сам говорил, что храм лечит душевные раны. Было?

– Так, то со светлой головой, к заутрене или вечеру.

– Зачем? Утром и на закате, когда ночью болит... Хотя днём тоже. Кто-то, батя, со мной злую шутку совершил. Полосонул насмерть и жить оставил. То, что умерло – детство, кресты-птицы на маковке позолоченной, родина вольная, без вопросов. А на житие оставил тело мёртвое. Мол, и так сойдёт. Кто?

– Иди сынок спать. Завтра на все вопросы ответишь и с отцом в храм сходишь, умытым. – Метнулась к сыну мать.

Егор осторожно отстранился от матери.

– Завтра? Нет, мать, болит сегодня, оттого и пьян, и рыгал у храма...

– Что!!! У храма богомерзкое! Ах, ты... щенок! Для того ли я тебя наставлял? И дитятей в храме у купели благословлял? Так-то ты отцу возвращаешь – мерзостью!

При слове «благословлял» лицо Егора, и без того бледное, стало белее плата, что под образами на полочке. Он шагнул к отцу похожему сейчас на скалу посреди комнаты.

– Благословлял... И верно. Было. Был оркестр, мы – все подстриженные «под ноль» – новобранцы, похожие на щенят, сбившихся в кучу. Ещё не вкусившие чужой крови – ещё дети. И вы: военком, трубы медные и ты, там же. В рясе и с крестом. Которым и благословил... На долги. Того волчонка тоже, думаю, благословляли. Мы и сшиблись лбами во тьме сарая над горным обрывом. Сшиблись, чтобы порвать друг друга, на потеху благословленную.

– Иди-ка спать лучше.

Егор, не замечая никого вокруг, говорил с кем-то, кого мог видеть только он помутневшими глазами:

– Да-да, нас бросили в тот сарай под одобрительные крики взрослых волков, чтобы мы порвали свою щенячью жизнь в клочья, но соблюли честь и святые напутствия. Хорошо... хорошо в том сарае свидетелей не оказалось, тех, кто подбадривает, подталкивает, вдохновляет, освящает кровь нашу...

Отцу Серафиму вдруг стало не по себе. Рука невольно метнулась творить крестное знамение, мелко так, без привычной важности. Он заметил в глазах сына, что-то, что сильно напугало его, он пристально вглядывался в остекленевшие зрачки и, замирая, слушал непрерывный приглушённый голос сына, не признавая в нём своё чадо. Эта непрерывная монотонная речь хоть и оживала на знакомых губах, но лилась из неизвестного источника, который никак не рассмотреть, не подступиться.

– ... не оказалось. Кто-то, кто искренне любит нас, свёл

только нас двоих, неискушённых и мы мирно разбежались. И нам бы жить, да вот друг на мёрзлой земле, чьи внутренности парят над грязной хлябью. Да тысячи таких же щенят озлобленных, истерзанных, расплосованных. На утеху ли? На...

Егор вплотную подступил к отцу, до этого он говорил в пол, последний вопрос он вместе с кислыми парами выдохнул прямо в лицо отцу. Тот сморщился, невольно отступая к накрытому столу, на котором горкой был нарезан хлеб, на тарелке лежали остывшие котлеты с картошкой. Наткнувшись на стол Серафим, вздрогнул, нащупывая ладонью опору. Звякнул нож, которым он перед приходом сына нарезал ржаной каравай.

Егор неожиданно замолчал на полуслове, заметив нож. Глаза его полыхнули неистово, нечеловечески. С хищной сноровкой он схватил нож и, уже ничего не соображая, наотмашь взмахнул им, захлебываясь, визгливо крича:

– Вот этими самыми ножами они нам и резали головы! А мы!.. А мы им, в отместку!..

И тут Егор заметил на лезвии алые пятна. Непонимающим взглядом он вытаращился на неизвестно откуда взявшуюся кровь, потом с отвращением отбросил нож и уставился на оседающее тело отца. Откуда-то издалека до него донёсся истошный материнский крик.

– Егор! Как же это!..

Крик прорвался сквозь вязкую пелену, и стал действи-

тельностью. Он застонал и выскочил на улицу. В темноту. Там он натыкался на какие-то преграды, падал, вставал и матерился. Потом просил прощения у кого-то, рыдал неистово, сгребая ладонями траву и землю. Когда его схватили, он смиренно отдался на чью-то волю, бессильно повиснув на руках, земля зигзагообразно заметалась под ним, будто его ноги и чужие топтали её и приносили ей муку. Ему стало жалко эту землю, и он заплакал. Заплакал по-детски – навзрыд.

Вокруг мигали суетливые огни, метались люди в белом и сером. Склонялись над ним, тыкали чем-то вонючим в нос, спрашивали настойчиво, встряхивая за плечи. И это была не его жизнь, а чья-то. Её – жизнь – грубо посадили в тесный железный короб и заперли небо, оставив крохотное зарешёченное окошко. Эта жизнь затряслась на родимых ухабах, а другая жизнь неотрывно смотрела на застывших птиц, на золоченой маковке, непременно желая видеть их вольный полёт благословлённый небесами.

В сетях свободы

Свобода, та ещё дамочка. Своенравная, заманчивая и абсолютно недоступная. Абсолютно не в том смысле, что с ней никак невозможно познакомиться поближе, кроме как каждый раз, трепетно и вожделенно провожать лёгкую, волнующую поступь, всегда исчезающую подобно фата-моргане при попытке догнать. Нет, конечно. Она обернётся к каждому, более того – многообещающе улыбнётся. Счастливым позволительно будет прикоснуться, обнять её. Более настойчивым, а если быть точным и без обиняков – откровенным хамом, для которых собственные плотские улады и есть самое верное мерило свободы – она отдастся без упрёка, вся. Страстно и пагубно. Однако, и художник-романтик, вздыхающий по прекрасному образу незнакомки, и художник-прагматик (обязательный член какого-нибудь избранного общества членов), похотливой слюнявой улыбочкой провожающий стройный стан (а как же – знавали, знавали) – все останутся с носом. С чувством: «Что это было?» – оба будут стоять друг подле друга, провожая вожделенную мечту, недоумённо пожимая плечами.

Эта красотка – свобода – всегда в будущем. Физическая реалистичность не должна обманывать – всё сиюминутно. Тебе приснилось желаемое, просыпаешься, краснеешь: надо же, присниться такому, – и обязательно вновь сомкнёшь

веки, а вдруг повторится. Что подсказало сон и обмануло чувства, опыт или предвиденье того к чему стремишься, чего жаждешь? Свобода всегда в будущем и немного в прошлом. И никогда в настоящем. В настоящем – это миф. Выдумки досужих рассказчиков, выдающих желаемое за действительное. Свобода – это то, что мы есть и не более того. Вот почему она такая разная и многоликая, противоречивая. Для каждого своя.

Приходит заказчик с оттопыренными карманами к бедному художнику и говорит, что готов выложить кругленькую сумму за образ свободы над камином в его апартаментах. «Но так, что бы эта самая свобода ни у кого не вызывала никаких сомнений, бередила воображение, и чтобы каждый восклицал: „О, без всякого сомнения, – это она... Да, да – она!“». Истинный художник, хоть и пребывает в смятении, но вид оттопыренных карманов и перспектива лечь спать не голодным сломают любого. И рождается прекрасный образ, ни на что не похожий, более того – мистический: как не гляди, никакой связи с холстом, образ парит и живёт собственной жизнью. А заказчик нос воротит: «Э, нет – такая улетит. Обязательно. Уж очень она какая-то неземная. Добавьте сладострастия в бёдрах и вот тут... Оголите её маленько, мастер, вы же понимаете меня, чтобы слюна во рту не давала покоя. Чтобы на грани дозволенного. Вот». Губы эротомана похотливо заулыбались, облизывая обновлённую картину: «Вы гений, мастер, по части исполнения же-

лений». И вновь глазки будут гулять по налитым здоровьем бёдрам, среди жарких полных неистощимой страсти красок. А мастер стоит весь поникший, вспоминая парящий образ, и брезгливо теребит в руках проклятые банкноты. «Как это пошло». Заказчик отмахивается: «Мастер, я не буду спорить с тобой о всяких там художественных приёмах и тонкостях – не моё. Но насчёт искусства позвольте подвинуться. Для меня искусство то, что меня искушает. Такое искусство и есть для меня свобода». Оставшись один на один в мастерской, художник будет пытаться повторить неуловимое, пытаться многократно и... безуспешно. Потом он раздражённо выскочит на улицу и в ближайшей забегаловке растратит банкноты на хорошее вино, помогающее хоть как-то убежать от себя, от реальности, на поиски желанного образа.

Вот такая она – свобода, одному муза, другому бесстыдная баба, третьему... Всё-таки бесстыдная баба.

– Мы хотим свободы! – заверещал с улицы чей-то интеллигентный голосок и тут же смолк, будто испугавшись собственной смелости.

– Мы ждём перемен! – усиленный аппаратурой, хрипло и развязно рявкнул с городской подворотни другой голосище, явно претендующий на музыкальность и талант.

– Мы ждём перемен! Мы хотим свободы! – заголосили прохожие.

Причина поголосить у каждого была сугубо личная. Кто-то от скуки, кто-то так – за компанию, кого-то просто распи-

рало от ощущения тесноты внутри и хотелось пройти широко и вольно, оставляя после себя разбитые витрины и окровавленные носы. Кому-то было всё равно: «Затянись, браток, жизнь – говно». Большинству хотелось, и они не скрывали этого, ох, как им хотелось «поймать» эту самую свободу! Интимно или участвуя в массовой оргии – не важно – главное «поймать».

Что за чепуха, – Алексей Бегунков с трудом разодрал глаза, – чего они там орут все разом, да ещё в такую рань? Просыпаться не хотелось. Прищурившись, он покосился на будильник. Стрелки неумолимо подкрадывались к минуте пробуждения. Алексей поморщился, – сон, твари, перебили! И раздосадовано отвернулся от окна, мстительно пряча голову под одеялом. Такая детская хитрость сработала безотказно, блаженная истома заставила его примирительно заулыбаться: они там, а я здесь. Порой хорошо проснуться за несколько минут до того как... Алексей потянулся всем телом, представляя себе эти несколько минут дорогой, убегающей в бесконечность или в туман. Когда ещё будет – прозвенит будильник, схватит грубо за плечи, стряхнёт последние намёки на сон: «Нечего валяться, брысь из-под одеяла!» И начнётся...

Щетинки «колгейта» вонзятся в кариес, тот отступит, под защиту эмалевых стен. В результате схватки пострадают только стены, уродливые выщерблины обезобразят их благородную поверхность. Желудок, едва справившийся с вечер-

ними возлияниями и успокоено вздохнувший, будет нещадно подстёгнут на новые гастрономические подвиги, заключающиеся в переваривании проглоченных на лету бутербродов, а затем испытывая нещадную тряску военного автобуса по дороге на аэродром. Врач, смерив давление и безнадежно махнув рукой на протесты печени, лаконично заключит: «Для полётов годен». Облачение (с изяществом червя) в высотный костюм, класс с потемневшими плакатами. Гулкое: «Здравия желаем!» И невероятная тяга двигателей МиГ-25 выталкивает тебя на высоту почти тридцати километров, под самые звёзды.

Вот она свобода! Не ты ли мечтал о свободе истребителя, о заоблачном просторе, о близких звёздах в твоём неправдоподобном детстве?

Какие звёзды, где свобода?..

– Сороковой, ответьте вышке!

– Я – сороковой...

В тесной кабине всё тряслось, вертелось, жужжало... Неумолимо и жёстко приближалась взлётная полоса – полёт окончен. И, слава богу!..

Бегунков, вспомнив молодые года, уже было задремал, как с улицы снова донеслись истошные крики, похожие на рулады мартовских котов:

– Свободу, свободу! Долой красную тиранию!

Свобода? – возможно, самое лучшее средство от похмелья. – Алексей выглянул в окно и поинтересовался:

– Всем наливают?

– Вначале всем, а потом исходя из остатков. Так что стоит поторопиться, если хочешь упиться до состояния весёлого пренебрежения ко всему и всем.

Было ему ответом. Бегунков вернулся в постель и сидя задремал.

Уволюсь, – решает он, – за облаками в истребителе ВВС ему стало неожиданно тесно. Детские мечты у вас имеются крылья, но никакой опоры, и даже воздушной. Рапорт ложится на стол командира. «Дурак, – получает он определение своему поступку, соглашается и настаивает на своём: «За облаками нет «звезды по имени солнце», – щелкает он каблуками военных ботинок». «Нет, – раздражённо кивает командир, – на земле его тем более не найдёшь».

Не знаю как насчёт солнца, а вот свободы он точно на земле не нашёл – командир, гад, сглазил.

На «гражданке» всё повторялось. Будильник встряхивал печень, одновременно пробуждая кариес, с которым беспомощно пытался бороться «колгейт». Вместо бутербродов на кухне военного городка, он проглатывал канадские сэндвичи, обильно сдобренные шумом большого аэропорта, и вторым пилотом частной авиакомпании дырявил небо, в очередной раз убеждаясь – свобода если и существует в небе, то только для избранных, к коим относились разве что облака...

Шум за окном стих. И на мгновение наступила настоя-

щая предрассветная тишина. Алексей прислушался, его чуткое ухо уловило знакомые звуки. Далеко-далеко, на грани слышимости, гудели турбины невидимого самолёта. Самолёт удалялся. До пробуждения оставалось совсем чуть-чуть.

По тротуару, шаркая тонкими подошвами, неспешно вышагивал тот, о ком говорят: явно птица залётная, франт заморский. У мужчины нездешней наружности были тонкие слегка вытянутые черты лица, выющиеся волосы кудрявым водопадом ниспадали до плеч. Очень часто ему приходилось откидывать локоны со лба, делал он это резкими движением головы или рукой. Изящный костюм из модной коллекции ладно облегал гибкое стройное тело. Мужчина поправлял шёлковый узел галстука, когда заметил заспанное лицо Алексея.

– Чего ждём? – не здороваясь, спросил незнакомец.

Иностранец, скорее всего француз, – пожал плечами Алексей, разглядывая дорогие запонки, сверкнувшие из-под рукавов пиджака.

– Чего ждём, – повторил «француз», и продолжил свою мысль, – свободу не ищут под крылышком кого-то – он взлетит, а ты останешься придавленный его взлётной силой. Хочешь быть по-настоящему свободным?

Алексей боднул головой воздух, в котором он столько раз пытался быть свободным и всё безуспешно.

– Держись меня, как ведомый ведущего.

Такая философия была знакома бывшему лётчику-истре-

бителю и поэтому вызывала справедливые сомнения: ты-то чем лучше командира:

– И что?.. Вы взлетите, а я останусь?

Любопытство всё же заставило выйти на улицу, на которой свободолюбивая толпа оставила мусор и плевки.

– Фабрис Карервэ, – протянул руку вместо ответа заграничный щёголь и не преминул добавить, – когда птиц много, кто-то обязательно взлетает первым. Обычно тот, кто держит нос по ветру. Ищи такого проныру и держись за ним на хвосте. Двоим ещё не тесно летать – места хватает обоим.

Алексей пожал руку:

– Наука, в общем, знакомая – проходили. Ведущий – ведомый. Однако и в армии и на гражданке была система. Кто в ней – тот и сыт.

– Вот почему ты никогда не будешь таким как я – над системой. – Дорогие запонки вызывающе блеснули в лучах восходящего солнца.

– Такое возможно?

– Со мной – да.

Алексей недоверчиво покосился на чересчур самоуверенного хвата. Уж больно ты красиво заливаешь, соловей французский.

– Э-э, я вижу, ты мне не веришь. Ну что ж, оревуар!

И фанфарон, лихо закрутив длинную чёлку по дуге, всем своим видом показывая «больно надо тут перед вами колена ломать» повернулся спиной. Этот искренний жест подку-

пил русскую душу, всегда готовую на компромиссы и тем более авантюры. Прицел был верный, выстрел прогремел. Алексей пошатнулся: чем чёрт не шутить, авось?..

– К чему обиды, Фабрис, погоди. Пойми, я всегда был человеком системы. Более того, именно в ней я получал паёк и видимость свободы.

– И как довольствие?

– А, – махнул рукой лётчик, – довольствия в удовольствие, а каждый глоток свободы всегда с одышкой.

– В узком коридоре и тем более на лестнице, какая может быть свобода?

– Это ты о чём? – чутким радаром насторожился Алексей.

– Не догадываешься? Коридор с лестницей – прообраз свободы в системе. Кто выше, тот и свободней. А наверх нужно ещё суметь пробиться. Тут, как говорится, нужна недюжинная сила и сноровка, хорошей подмогой может стать пятая колонна.

– Потихе, потихе – у меня только образование военного лётчика и курсы повышения квалификации. Словарных политесов не проходили.

Фабрис усмехнулся, с чувством превосходства разглядывая простоватое лицо рязанского мужика. И вдруг неожиданно протянул руку:

– А ты мне нравишься! Я готов летать с тобой в паре. Что касается пятой колонны, то что-то подсказывает мне, её у тебя в коридорной свалке нет.

– Да объясни же, чёрт тебя подери! – на форсаже взбрыкнул Алексей, требуя ясности.

– Проще простого, мон ами, генералов среди близких нет?

– Были бы!

– Вот тебе и ответ по поводу пятой колонны в тылу врага.

– Хватит повторения пройденного урока. Что нового можешь ты мне преподать? Как иметь от жизни всё, и чтобы эта самая жизнь не покушалась на твою личную свободу? Даже генералам погоны плечи оттягивают.

– Зайдём? – Фабри́с сделал приглашающий жест в сторону ресторана.

Алексей оглядел вывеску, быстро сделал калькуляцию по своим счетам и согласился:

– Зайдём. Разговор серьёзный требует соответствующей подпитки энергией.

Уже внутри, погрузившись в мягкую атмосферу бархата, приглушённого света и ароматов утончённой кухни, они продолжили разговор.

– Итак, за знакомство, и я готов внимать.

Вместе с коньяком внутри Алексея, тепло и уютно, разливалась новая, неведомая доселе, философия истинной свободы. Без оговорок и кавычек. Заманчивые звёзды одна за другой загорались перед его пытливым и вместе с тем затуманенным взором. Коньяк был отменный, с привкусом дуба и ванили. Его принёс услужливый официант, а звёзды ловким движением извлекал (видимо из рукавов) Фабри́с, на-

смешливо стреляя карими глазами в сторону разомлевшего Алексея.

– Всё очень просто, мон ами, хочешь быть свободным – будь. Только в одиночестве. Всегда в одиночестве, гордо возвышаясь над всеми и вне любой системы. Генералом над генералами.

– Кому же ты нужен такой – гордый и независимый? Так недолго и загнуться от голода.

– Я, по-твоему, загигаюсь?

Официант подал второе. Запах жареного мяса, приправленного специями, легко сломил и эту преграду:

– Вроде, нет. Более того, – Алексей поднял рюмку и окрасил интерьер ресторана в благодушно-солнечный янтарный цвет, – жируешь.

– И при этом, заметь, оставаясь гордым и независимым. Ву ля! Думаю, пора вскрывать карты.

– Давно уже пора, не томи, – бывший лётчик прогнал хмель и приник к прицелу, нервно нащупывая красную кнопку гашетки.

– Так вот, тайна лежит на поверхности. Чтобы быть вне системы, нужно самому создать свою собственную систему. Свою маленькую империю.

– Ага, и все короли пойдут на тебя войной.

– А ты не залазай в их огород. Они и не пойдут!

– Поздно – пашни все разобраны, которые нет – завоёваны, причём давно.

– Ах, простота! Мы живём в двадцатом веке, на носу уже двадцать первый. А ещё лётчик-истребитель, пора взлетать, вышка даёт добро. Оставь грешную землю тем, кто привык топтать её.

– Прости, я не ангел – среди облаков огорода сеять не умею. Пробовал – крылья мешают, перья металлические не гнутся.

– Ещё одно слово и у меня появятся сомнения: а с тем ли человеком я разделил свой плотный завтрак? Заметь, я не говорил тебе о небесах, отнюдь, и мне туда рановато. Я говорил о времени. Для одних время – это обуза: «Чего жилы из меня тянешь, побыстрее бы вечер, пара бутылочек пивка, „телек“ и на боковую». Для других время – убийца: «Проклятье – и это вся жизнь?» Для меня время – прежде всего открывающиеся возможности. Возможности для человека умного, прозорливого и энергичного. Именно в такой последовательности соединённые вместе, эти три бесценных дара открывают перед тобой новые неизведанные ранее просторы. Всегда, во все времена, в лазоревом тумане возникают возделенные берега каких-нибудь америк, и обязательно найдутся колумбы, авантюристы и мечтатели. Будущие короли собственных королевств.

Алексей, сдерживая дыхание, как охотник перед выстрелом, подвинулся к визави, пытливо заглядывая тому в глаза. Уж ни коньяк ли имеет такое наркотически взбадривающее действие? Карие зрачки Фабриса пылали внутренним све-

том и были дьявольски красивы в своей одержимости. Выдержанный алкоголь если и возымел своё действие на этот просветлённый ум, то лишь настолько, насколько сам ум позволял сотворить над собой какую-либо агрессию.

– Говори, я весь внимание. Ты меня заворожил.

– Ещё бы. Так вот, сегодня империи создаются здесь, – Фабрис ткнул указательным пальцем в висок, – создаются не силой оружия. Выбрось его как старый, ненужный, ржавый хлам – силой ума. Таланта. Ноу-хау и патенты – вот те силы, которыми сегодня создаются империи. Над всеми, заметь, существующими границами. Империи без земли и ключей проволоки, но имеющие своих преданных подданных. Они готовы служить тебе до конца. Почему, спросишь ты. Вера! Вера каждой двуногоходящей разумной особи во всё, что может подсластить, продлить, омолодить, излечить, сохранить – дать ощущение полноценности их жизни. Твои будущие подданные так устроены: им всегда нужен идол. Мир полон страхов и лишений, убежать от них невозможно, а вот обмануть... И мы – новые императоры – своим умом находим таких будущих идолов, прозорливо высвечиваем и, приложив некоторые энергичные действия, возводим их на постамент святости. Всё! Рядом можно громоздить себе трон и собирать дань почитания. Вам нужна молодость и красота – верьте! Вы больны – излечитесь, только поверьте! Вы устали от быта – вот вам новинка, отдохайте! Товар, имеющий необыкновенные чудодейственные свойства (или кото-

рыми ты его сам наделишь) и потребитель – вот два столпа подобных империй современности. Тебе остаётся, прописать законы, наладить финансовые институты и связь. И в один прекрасный день провозгласить: «Да здравствует империя! Виват!» Ну как, впечатляет, – перевёл дыхание Фабрис, заедая сказанное кусочком жаркого.

– Да, необычно. Звучит в новинку.

– То-то, – с вниманием французского повара осматривающего откормленного гуся, Фабрис окинул взглядом напряжённую позу Алексея – готов, можно резать и подавать на тарелочке.

Алексей, покусывая нижнюю губу, задумчиво теребил накрахмаленную салфетку. Императором он себя конечно не представлял. Что касается перспективы «царского» заработка и чтобы тебя за это не дёргали ежедневно за узду – эту сладкую синекуру с удовольствием примерил и нашёл, что мантия в пору.

– Если я правильно понял тебя, Фабрис, королевское гнёздышко уже свито. Имеется и товар, и потребитель учащённо дышит, протягивает руки, умоляя стать подданным вновь провозглашённого королевства. Так?

Карервэ тряхнул пышной шевелюрой.

– Тогда скажи, зачем тебе я? Лишний претенденты на престол – всегда головная боль любого монарха.

– Соглашусь. У созданного мною королевства есть потенциал стать империей с независимыми доминионами. Сего-

дня мне нужны маршалы и преданные друзья-единомышленники. Завтра короли-союзники. Меня интересует Россия. Страна большая, богатая. Я, как ты, наверное, успел заметить – француз.

Алексей слегка улыбнулся, окидывая взглядом заграничного щёголя:

– Да, немного заметно.

– Так вот, Россия – твоя. Ты – русский, тебе легче будет находить общий язык с земляками. Вперёд, мон ами, – Россия велика и свободолюбива. Её независимость я тебе обещаю. Хватит с нас – французов – уроков Наполеона. – И Фабри́с клятвенно воздел правую руку. – Меня не Родина твоя интересует, а её население, и даже не оно – его кошельки. Я человек сугубо прагматичный, короны оцениваю по каратам.

– А-а, по рукам, – широким русским жестом Алексей пожал утонченные пальцы француза, украшенные маникюром.

Решив политические вопросы престолонаследия и союзничества, за лёгким охлаждающим десертом начали рассматривать тактические вопросы.

Фабри́с Карервэ, с ловкостью чародея, стал извлекать на свет всевозможные склянки, тубики и красивые коробочки. Одновременно объясняя бывшему боевому лётчику диспозиции грядущих сражений во имя личной свободы, свободы абсолютного монарха. Поля сражений переносились на кухни и в спальни прекрасной половины человечества, откуда прицельными залпами поражали вторую половину то-

го же человечества. В этом-то и заключалось главное коварство новой тактики: глубокие клинья, взламывающие оборону в самых уязвимых местах. Уроженец с берегов Луары, повидавший немало крепостей, включая и те, что считались когда-то неприступными, видя недоверчивый русский взгляд, мол, и побольше калибр видали, чем эти ваши несолидные скляночки, криво усмехаясь, поднял один из тубиков и был краток:

– Это чума.

Затем он доходчиво объяснил, что все великие завоевания свершились не благодаря силе залпов или величине дредноутов. Судьбы цивилизаций решали вещи малоприметные и зачастую совсем незаметные, проникающие в нас вместе с вдыхаемым воздухом.

– Бактерии?!

Алексей с отвращением бросил на стол тубик. Карервё подхватил несчастный тубик и жестом полным достоинства протянул к светильнику.

– Можно и так сказать, однако, заметь, как ты испугался? Вот она сила. Одно из её проявлений. Но я бы назвал это иначе: запах любимой женщины. Он поражает мозг завоевателя сильнее самого острого клинка. Кто владеет этим запахом – владеет миром. Что бомбы – страх. Так к нему со временем привыкаешь. Не одна крепость пала, с упоением, заметь: с упоением вдыхая этот запах. То есть защитник в одночасье превратился в жалкого раба. С радостью и навсегда.

Алексей уже более уважительно начал разглядывать корбочки, узнавая подробности, и был вынужден признать: этот француз, чёрт подери, прав. Любой бравый полковник, дома – овечка. Его полк в бараний рог свернёт любого врага, а дома командир полка умилительно блеет и угождает.

Вооружённый непобедимым оружием, Алексей оставил судьбу наёмника и стал искать счастья в роли свобододолюбивого монарха. Пока без собственного царства, но Фабрис так сумел убедить его, что в получении оно у него уже нисколько не сомневался.

Так любой коммивояжер в глазах дикаря превращается в богоподобного властителя – императора. В свою очередь, дикарь, обвешанный заморскими бусами, уже для соплеменников – личность почитаемая и освящаемая тёмными умами.

Завоевание будущей империи всегда начинается со столицы (обычно столичный воздух и теснота не самые полезные для здоровья, но почему-то все непременно связывают здоровье страны со столицей; парадокс). Бегунков носился вдоль проспектов, зачастую обгоняя потоки машин, совершал мгновенные виражи, ныряя по эскалатору в метро, и снова устремлялся вверх, стремительно лавируя между прохожими. Лифты высоток всегда отставали от его мысли уже парящей под крышей, мысли напористой, умеющей доказывать и отстаивать имперскую истину: только я! Независимые хозяева верхних этажей деловых центров и престиж-

ных контор тоже придерживались этой истины, тщедушно полагая, что крыша их офиса и есть предел для всяких посягательств на их самодержавность, ибо всякий входящий пришёл снизу. Но испытав на себе чудодейственное влияние достижений современной химии на здоровье, молодость и красоту, они охотно становились подданными. Самодержавие, как не крути, не чуждо законов физиологии, подчиняясь им беспрекословно. Москва пала к ногам вездесущего энергичного Бегункова, вооружённого, к тому же, таким неотразимым оружием. Москвички ахали и умилялись, москвичи вздыхали и делились властью, выуживая из кошельков и портмоне знаки этой самой власти.

Вслед за Москвой пали и остальные провинциальные города и городишки, присягнув в верности новому императору. Независимость провинции и её самобытность, скорее блеф и надуманность местных царьков. Стоит Москве вместо аханья заохать, и все подхватывают и начинают охать, гордо заявляя о местном колорите оханья. Москва водрузила корону на голову Бегункова и все самые отдалённые глубинки признали: наш царь и, преданно вытягивая шеи, старались не отставать от «столичных».

Теперь Алексей летал над страной, не сообразуясь с командировками и тем «куда Родина пошлёт» – он был свободен: Как, этот городишко ещё не ведаёт о моём креме «Вечной молодости»? Нехорошо! И вот уже комфортное кресло бизнес-класса заменяло ему трон, унося в непокорный горо-

дишко.

Власть теперь его была настолько неограниченной, что двери лучших апартаментов самых богатых гостиниц услужливо распахивались перед ним. А если он пожелал, то и губернаторские покои не смели отказать ему. (Всякий благовоспитанный губернатор или мэр имел супругу, не лишённую женских слабостей и предпочтений). Бегунков раздобыл. Выправка, доставшаяся ему от военного училища, не растерялась, но обрела особую значимость и стать, когда любой гражданский костюм превращается в мундир, где вместо эплет и золотого шитья – всякие дорогостоящие и высокохудожественные штучки, будь то бриллиантовые запонки, швейцарские часы из ограниченной коллекции и прочее и прочее и прочее – всего лишь необходимое дополнение к изящному крою «на заказ», где каждая линия что-то скрывает или же выгодно выставляет напоказ. В таком костюме убогое ничтожество превращается в благородного господина, чьё внутреннее наполнение, если угодно, зависит от окружения (закон голого короля). Кстати, Алексей Бегунков обзавёлся собственной королевой. Им стала массажистка, прозябавшая в третьеразрядном салоне красоты. По закону всех сказок – они поженились. Свадьбу сыграли с размахом. Присутствовал сам Фабрис Карервэ. Он напутствовал молодых святыми словами:

– Втюхивайте, втюхивайте, и снова втюхивайте!

Обольщённые молодые поцеловались и поехали туром

по Европе. Ах, Карервэ, ах, Фабрис проказник, лишь в конце тура до них снизошло откровение, о чём говорил искушённый плотской любовью француз. Это произошло после пробуждения в будуаре одного из замков, где согласно преданиям почивала королевская чета. Молодожёны, позавтракав прямо в покоех с видом на поля Шампани, к полудню получили счёт. Бегло пробежав по цифрам, сложив и умножив, Бегунков схватился за голову: моя свобода в опасности! Новоиспечённая императрица, заметив печаль на лице мужа, осведомилась о причине.

– Ах, Карервэ, ах, он..., – кремовый властитель России, опутавший великую страну не менее великой сетью, грязно выругался в адрес своего европейского союзника, – вот она оказывается какая – его свобода. Втюхивайте, втюхивайте и снова втюхивайте. Не один коронованный род лишился трона, пребывая в ложном настроении: мой народ. Народ-то сам себе на уме.

– Милый, что произошло? И при чём тут Фабрис?

Бегунков сжал плечи суженой и прохрипел:

– В Россию, и немедленно!

– Объясни..., а Лазурный берег? Канны? Флоренция?..

– Нет, нет, нет – втюхивать, втюхивать и втюхивать!

Молодая покраснела и вслед за мужем первым рейсом вылетела на Родину, исполнять великий завет, дающий им видимость свободы...

Утреннюю зорьку резко разбудил будильник. Мужская ру-

ка выпросталась из-под одеяла, и нащупала кнопку. Воцарилась блаженная тишина. Алексей прислушался, не узнавая самого себя: Лежишь! Что с тобой? Ты заболел? И где твой всёсокрушающий энтузиазм: «Нас ждут великие дела!» Что!? Кто пошёл?! Куда пошёл?.. А впрочем, ты прав, – Алексей засопел, стараясь натянуть на себя одеяло. Форменный идиотизм вскакивать каждое утро и дудеть в оптимистично сипящую дудочку. Пора заканчивать этот скаутский маразм. Эти пионерские зорьки.

– Лёша, ты будешь вставать? У нас сегодня, ты не забыл, семинар, – раздался за спиной полусонный голос жены.

Ей никто не ответил, что уже было необычно. Более того попытались забрать одеяло.

– Лёша, холодно, не издевайся, верни одеяло!

– Ладно, ладно...

И снова наступает долгая напряжённая тишина, неожиданно сменяющаяся здоровым мужским похрапыванием.

– Лёша!?! – В голосе супруги слышится удивление и тревога

– А, – снова из небытия выныривает сонный голос, – чего?

– Как чего? Ты здоров? Не забыл: у нас сегодня семинар, а перед этим ещё намечены встречи в салоне. Некогда спать.

– Не забыл, – голос окончательно просыпается, и в нём появляются роковые нотки апатии.

Алексей Бегунков сел на край кровати в позе замерзающего мыслителя. Супруга прижалась к мужу, и попыталась

выяснить причину такого необычного поведения, она потрогала лоб и заглянула в глаза.

– Может всё к чёрту? – риторически спросил Алексей.

– Что? – не поняла жена.

– Ну, всё! Эти проклятые гонки изо дня в день. Вскочили и побежали, прямо от унитаза, как будто мы не успеем добежать до другого, и с нами непременно случится какая-нибудь гадость.

Жена ещё сомневалась:

– Ты здоров, Лёша?

– Вроде – да и вроде – нет. Горло не болит, голова, зубы тоже, однако общее состояние – подавленное. Я бы даже сказал придавленное... – Алексей помолчал и добавил, – такое, когда поздно спрашивать, что у тебя болит – уже всё равно.

Жена лёгкой ланью вскакивает с супружеского ложа, подбегает к окну отдёргивает тяжёлые шторы и, щурясь от хлынувшего света, оглядывается на мужа. Её женская интуиция подсказывает, мало хватать ведёрко – пора бить в набат. Пожар не просто далёко кровавым заревом – он рядом и вот-вот перекинется на свитое ею гнёздышко. Убедившись в этом зрительно, она быстро подходит к мужу и мягко, но решительно возлагает свои руки ему на плечи. Прямо как на картине «Старец, благословляющий инока на бой».

– Что значит, не могу? Что значит – всё к чёрту! Столько трудов и что, псам под хвост!? Ты вдумайся, на тебе вся Россия клином сошлась! Ты лидер. Бегут-то все за тобой. Без

тебя гонка просуществует какое-то время и рассыплется сама собой.

– Пускай. Тем лучше. Остановятся, отдышатся, оглядятся и зададутся единственно правильным вопросом: куда бежим и зачем?

Жену охватывает лёгкая паника. Да, она была знаменосцем в своей семье. Храбрым славным терпеливым знаменосцем, идущим всегда за своим командиром. Она готова была самозабвенно прикрывать мужа на полях житейских сражений. Но опять же – прикрывать – быть рядом с ним. И никак впереди, да и подданные примут это как переворот. А это преддверие хаоса.

– Ты хочешь всё потерять! – разливая чай, восклицала она, возмущённо пожимая плечами, и сама же стоически отвечала, – как можно, Алексей, бросить всё на полпути? Бросить, когда столько сделано! Когда люди поверили в тебя. Когда не нужно прилагать столько усилий, вкатывая колесо в гору – оно практически катится само, всего-то требуется периодически подталкивать его. Бросить?! Бросить всегда легче, чем удержать, а, бросив, всегда сожалеешь – зачем бросал ведь мог. Мог. – И тут её осенило, – ты устал, верно? Ты устал и хочешь отдохнуть? Возьмём отпуск, смотаемся куда-нибудь. В Турцию, Таиланд, – и жена мечтательно прижимается к мужу, теплом своего тела усиливая соблазнительные картины пленительных пляжей и пальм.

– Мы же отдыхали недавно, – язвительно замечает Алек-

сей. – Забыла! Королевские апартаменты – семинар лидеров на Канарах. Горы клубники, большой и безвкусной, как вода.

– Нет, настоящий отдых, забыть обо всём на свете. Только ты, я и природа.

– Надолго?

– Что надолго?

– Отпуск.

– Конечно. Возьмём самый долгий тур, дней на двенадцать, ну хорошо двадцать четыре, – быстро спохватывается супруга, замечая кислое выражение мужниного лица.

– Двадцать четыре, – повторил Алексей, будто взвешивая слово, перебрасывая с руки на руку. – И потом снова: «Но-о! – пш-шёл». Не – хо – чу, – произнёс он по слогам, растягивая паузы между ними. Бежать, бежать, чтобы однажды понять: твоя свобода на зелёных холмах – не более чем выгул между стойлом и гонкой. А ты гордым иноходцем взбрыкивал и ржал, довольный – я свободный! Я сам себе король! Да, ты король, – будет гладить тебя вкрадчивый голос, – ты король скачек. Моих скачек. Съешь, красавец, отборного овса. А теперь – пш-шёл! Пш-шёл, родимый! Ставки сделаны, господа!

Благоверная, наконец, стала понимать – лидер сгорел. Он не устал физически. Он не устал душевно, когда достаточно рёва трибун, скандирующего твоё единственное имя. Перегорели духовные силы. Сгорело то, что стало толчком начала движения, дало ему импульс и то, что служило настоящим

движителем в полёте. Сгорел человек, его вера в нечто, что не ощущается телом и не воспринимается душевными порывами.

Её состояние быстро приближалось к паническому. И первым признаком этого было обращение к чужой совести:

– Ты не можешь, бросить всё вот так, – жена трагически заломила кисти. – Оставить меня одну!

– Так и ты бросай, – последовал быстрый ответ меланхолично спокойным голосом.

– Лишится свободы, за которую мы так упорно сражались! Не-е-ет, – гневный палец начал чертить в воздухе самозатягивающиеся петли.

– Можешь казнить теперь меня – я каюсь.

– Да ты что, Алексей, смеёшься? Издеваешься, что ли!

– И не думал. Да, я мечтал о свободе. Я жил этой мечтой. Жил каждый день от рассвета и до заката, и от заката до рассвета. Если этот проклятый город однажды лишился бы электричества, он мог бы питаться от меня. Хватило бы с лихвой. Она оказалась слишком страстной...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.